

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

ЛЕГИОНЕР

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Легионер

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга четвертая

«1С-Публишинг»

2023

Каликинский В. А.

Легионер. Книга четвертая / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2023 — (Легионер)

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Широко известен своей серией книг «Агасфер» – пятью увлекательными шпионскими ретродетективами, посвящёнными работе контрразведки в России конца XIX – начала XX века. Представляем очередной большой труд писателя, одно из лучших его произведений, посвящённое судьбе реальной исторической личности. Карл Ландсберг, блестящий офицер, оступился и стал преступником, но в итоге через искупление и многие лишения принёс немало пользы нашей стране. Есть версия, что именно Ландсберг явился прообразом Родиона Раскольникова, главного героя знаменитого романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», хотя биографии книжного персонажа и его вероятного прототипа, разумеется, сильно различаются. Карл Ландсберг блистал в высшем свете Санкт-Петербурга. Ему прочили стремительную карьеру – вплоть до министерской. Он рухнул с карьерной лестницы, не добравшись и до середины. Сверкающий мир исчез за глухими тюремными стенами. Вслед за вердиктом суда и общества свой приговор вынес Ландсбергу преступный мир – те, кого сегодня называют ворами в законе. Однако Ландсбергу удаётся избежать неминуемой, казалось бы, смерти от их рук. В финальной книге серии Карл Ландсберг вступает в ополчение, ведь на дворе русско-японская война. Ему предстоит пройти ещё немало испытаний на пути к полному помилованию. Читайте завершение увлекательной истории.

© Каликинский В. А., 2023

© 1С-Публишинг, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Прощание с Владивостоком	6
Ретроспектива-1	11
Глава вторая. Где же Сонька?	23
Ретроспектива-2	27
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга четвертая.

Последняя война

Часть первая

Глава первая. Прощание с Владивостоком

Станционный колокол брякнул два раза, и сразу вслед за этим зычный голос кондуктора раскатисто возгласил:

– Господа пассажиры, пр-р-рошу занять свои места в вагонах! До отправления скор-р-рого поезда Владивосток – Москва осталось пять минут!

В сыром мартовском воздухе звуки тоже были какими-то сырыми, словно неоконченными. Дебаркадер вокзала, старательно очищенный железнодорожным персоналом от снега, блестел от множества мелких лужиц, в которых отражались желтые пятна станционных фонарей. Возглас кондуктора вызвал на вокзале легкую панику: заторопились и отъезжающие господа пассажиры, и провожающие. И даже те, кому спешить вроде бы никуда и не надо – носильщики с бляхами, железнодорожные чины в фуражках с малиновыми околышами и старавшиеся держаться внушительно и незаметно жандармы – тоже задвигались быстрее, защелкали крышками часов.

Пассажиры третьего и второго классов, брякая чайниками, заторопились в кубовую за кипятком. Из дверей станционного буфета, утирая белоснежными платками усы, потянулись к своему вагону последние пассажиры первого класса. На суету с чайниками они поглядывали снисходительно: о своем поездном быте им не было нужды беспокоиться.

* * *

Ландсбергу и раньше доводилось ездить по «чугунке», как по старинке называл железную дорогу нынешний его вагонный проводник. Но что это были за поездки – по сравнению с нынешним трехнедельным вояжем! Несколько часов от Петербурга до городка Шавли Ковенской губернии – там было родовое поместье семьи. Около двух суток заняло в свое время вынужденное путешествие в тюремном вагоне, перевозившем арестантов из Пскова до Одессы перед отправкой их морем до Сахалина. Где-то полдня заняло железнодорожное путешествие по Японии, по «игрушечной стране», в миниатюрных вагончиках – там Ландсберг в составе партии военнопленных тоже «путешествовал» не по своей воле. И, наконец, нынешний, триумфальный для него вояж... Возвращение...

Нынешнее железнодорожное путешествие по самому длинному в мире маршруту сулило массу впечатлений. Состав из четырех вагонов отправлялся от коммерческого городка Дальний четырежды в неделю. Шесть суток поезд шел по Маньчжурии, потом, «выскочив» на сибирские просторы, мчался по Кругобайкальской ветке до Иркутска. Еще восемь дней требовалось для пересечения Сибири до уездного тогда городка Челябинска. А уж оттуда до Москвы было и «рукой подать» – всего-то трое суток. В первопрестольной вагон Ландсберга прицепляли к другому поезду до Петербурга, где все эти последние годы Карла ждали супруга с сыном.

Когда на Дальнем Востоке России грянула война с Японией, Ландсберг вступил в добровольное ополчение, и приказом военного губернатора Сахалина Ляпунова получил под коман-

дование дружину. Воевал он как умел – честно. После трехдневных боев почти вся Первая саперная дружина была уничтожена японским десантом, и Ландсберг с тремя уцелевшими добровольцами оказался в плену.

Все участники боевых действий в русско-японской войне, согласно Высочайшего манифеста, получили монаршее благоволение. Этим же Манифестом самодержец даровал полное прощение и помилование тем защитникам Отечества, кои до войны преследовались следствием, судом, либо были осуждены к тюремному заключению и каторжным работам.

Для Ландсберга полное помилование означало не только возвращение дворянства и прочих прав состояния, но и возможность поселиться там, где он пожелает. Причем без унижительной обязанности отмечаться в ближайшем полицейском околотке как бывший ссыльнокаторжный. Именно ради чистого паспорта, без пометки «из ссыльнопоселенцев» он как проклятый работал на Сахалине больше двадцати лет после отбытия наказания...

После возвращения из японского плена весной 1906 года Ландсбергу потребовалось еще три года для того, чтобы по его вопросу было принято окончательное удовлетворительное решение. В октябре 1908 года он наконец-то получил из Петербурга обнадеживающее известие о том, что его дело высочайше рассмотрено, и на последнем прошении о помиловании появилась одобряющая резолюция. Какая именно была формулировка высочайшей резолюции – сообщено не было и доселе.

Супруга Ландсберга, Ольга Владимировна Дитятева, все последние годы неустанно хлопотавшая за мужа в высоких столичных кабинетах, тоже не смогла, как ни билась, разузнать ничего конкретного: долгожданная резолюция застряла где-то в недрах Министерства Двора Его Императорского Величества. Прямые подношения и замаскированные под них крупные взносы в различные благотворительные фонды, коих в столице после окончания русско-японской войны расплодилось неведомо сколько, открывали Ольге Владимировне двери в самые высокие кабинеты. Принимали просительницу весьма ласково, ободряли, советовали потерпеть самое малое время – и только.

Когда сообщение о разрешительном решении по его делу долетело до каторжного острова, Карл свернул на острове все свои коммерческие предприятия, отказался от участия в многообещающих угольных и нефтяных прожектах и поспешил занять «стратегическую позицию выжидания» в столице Приморской области, Владивостоке. Отсюда он мог в любой день двинуться к новой жизни по только что отстроенной железнодорожной дороге в столицу России.

* * *

Снова брякнул станционный колокол, и Ландсберг прижал лоб к холодному стеклу, следя за поплывшим назад дебаркадером, то и дело с нетерпением поглядывая на стопку писчей бумаги, прижатую к столу тяжелым серебряным подстаканником с железнодорожными вензелями. В долгой дороге от Владивостока до Москвы Карл планировал делать наброски будущего мемуарного повествования, подводящего итог всей его жизни. Вот сейчас поезд наберет ход, уйдет в прошлое предотъездная суета, и он начнет не спеша разбирать в уме свое прошлое и заносить на бумагу его главные вехи.

Литератор Влас Михайлович Дорошевич, с которым Карл довольно близко познакомился по время визита известного фельетониста на каторжный остров и с которым он впоследствии регулярно переписывался, давно советовал ему поработать над циклом охотничьих зарисовок. Охотничьи рассказы были в разное время опубликованы в газете «Владивосток», однако, по мнению Дорошевича, им не хватало «литературной отточенности».

Плотно засесть за «отточенность» Ландсбергу в последние годы все время что-то мешало. Дорошевич, которому Ландсберг как-то в отчаянии написал о своем «неумении орга-

низовать литературные занятия», в присущей ему резкой манере объяснил: умение писать так, чтобы людям было интересно и полезно читать написанное – отнюдь не врожденное. Да, литераторам, как и поэтам, надобно родиться с искрой божией. Однако раздуть эту искру далеко не просто, нужен труд. А еще – умение отрешаться от мирской ежеминутной суеты. Не может человек отрешиться – значит, литература не его дело! Или, по крайней мере, человек для этого великого дела еще не созрел.

«Ваши опусы, мой далекий друг, дают основание предполагать, что вы, возможно, и родились с искрой божией, – писал тогда Дорошевич. – А сия искра, не получив в нужное время живительного сквознячка, могущего ее раздуть, обросла с течением времени пеплом. Пишите даже через силу, любезный Карл Христофорович! Плачьте, но пишите, творите – может быть, вам удастся раздуть скрытое пеплом пламя. Не получается писать – значит, ваше время не пришло. Или уже пролетело мимо...»

Попробовав плотно засесть за литературную работу, Ландсберг за последний десяток лет не раз убеждался, что эта самая работа не терпит не только коротких «кавалерийских наскоков», но и творения урывками. Будучи в большой степени педантом, Ландсберг попробовал было сделать свои литературные занятия плановыми, отведя им по несколько часов в день, но вскоре с огорчением убедился, что немецкий аккуратизм в писательском деле не помощник. К тому же, сосредоточиться на литературе все время мешали неотложные дела. То надо было завершать возведение своего дома, то захлестывали сиюминутные коммерческие хлопоты, то одолевали бытовые неурядицы. От этого происходили сплошные огорчения и росли сомнения в собственных литературных способностях.

Нынче он возвращался в Европейскую Россию с большими планами – и не только литературными, разумеется! Страхнув с ног «прах проклятого острова», больше не надо тратить время и усилия на то, чтобы уберечь самого себя и семейство от бед, подстерегающих людей на Сахалине на каждом шагу.

Три года назад, вынужденный снова отправиться на остров после возвращения из японского плена, Карл для себя решил: он сызнова «запустит» свою коммерцию, посадит на ключевые посты надежных людей – и тогда у него появится много времени для того, чтобы еще раз попробовать раздуть в себе ту самую божью искорку, упомянутую Дорошевичем...

Однако остров лежал в разлуке, и множество больших и малых дел снова мешали ему сосредоточиться на литературных трудах. Потом мешали предотъездные хлопоты, и только во Владивостоке, уже купив билет и плацкарту до Санкт-Петербурга, Ландсберг вдруг с полной ясностью осознал, что не может ждать более и дня! Решено: он засядет за мемуары немедленно, как только очутится в вагоне! В лучшем писчебумажном магазине Владивостоке он купил две стопки отличной немецкой бумаги, а правление торгового дома «Кунст и Албертс», чьим представителем на Сахалине Ландсберг был еще в довоенные годы, преподнесло ему прощальный презент – модное французское техническое изобретение под названием «вечное перо Waterman».

Перед отъездом, бродя по Владивостоку в поисках гостинцев и сувениров для родных и знакомых, в небольшой лавчонке колониальных товаров он приметил массивный настольный письменный прибор. Вспомнив об этом, Карл немедленно отправился на поиски этой лавочки, отыскал ее и купил искомое – хотя при ближайшем рассмотрении прибор оказался весьма грубой работы. Клейма мастера найти на нем не удалось, однако лавочница клялась и божилась, что он имеет давнюю историю и некогда даже числился среди пиратских трофеев. В качестве доказательства хозяйка с гордостью демонстрировала сохранившийся на письменном приборе ярлычок с печатью.

– Представляете, сударь – ваш письменный стол будет украшать прибор, с помощью коего считал свои пиастры какой-нибудь Джон Черная Борода? Видите ярлычок? Я нарочно сохра-

нила его! Вы читаете по-английски? Здесь написано: «Вещественное доказательство № 11. Собственность Королевской полиции Сингапура. 1880 г.»...

В пиратское происхождение письменного прибора Ландсберг, разумеется, не поверил, но все же купил его – из-за памятной для него даты на ярлыке: именно летом 1880 года пароход «Нижний Новгород», везя очередную партию каторжных на Сахалин, сделал остановку на Сингапуре. Прикрыв глаза, Карл вспомнил эту ночную стоянку – южную душную ночь, отсветы костров на причале, немудрящие гостинцы, которые раздавал узникам какой-то местный чудака. Караульные матросы допустили этого чудака к самому борту парохода – его хорошо знали все экипажи «тюремных» пароходов, перевозящих каторжников из Европейской России на Сахалин. Потом чудака ушел, понемногу стих топот босых ног грузчиков, таскавших на пароход кули с углем. Погасли огни, разожженные в бочках вдоль причала, и арестанты разошлись по своим шконкам, делясь впечатлениями и хвастаясь добытыми гостинцами. Карл усмехнулся, вспомнив обсуждение русскими невольниками диковинных ананасов. Счистить твердую кожуру с фруктов без ножа было невозможно, и лакомство отложили до утра, намереваясь попросить о помощи караульных.

* * *

Коротая время до отправления поезда, Ландсберг добрал до дышащего жаром огромного локомотива. Черный паровоз с выкрашенными красной краской обводами ведущих колесных пар был похож на сытого нетерпеливого зверя. Зверь слегка содрогался в ожидании дозволения рвануться вперед и пофыркивал струйками пара на помощника машиниста, озабоченно суетившегося рядом. Сам машинист, шевеля густыми усами, вел неторопливую беседу с обер-кондуктором и двумя жандармами. Эту беседу прервал одиночный удар станционного колокола, от которого весь дебаркадер засуетился и задвигался с удвоенной скоростью.

Жандармы, откозыряв, распрощались с машинистом, обер-кондуктор, придерживая полы черной шинели, заторопился к хвосту поезда. Чуть помедлив, направился к своему вагону и Ландсберг.

Стоя у дверей своего купе № 4, Карл в последний раз пыхнул сигарой. Стороживший каждое движение пассажира вагонный проводник тут же оказался рядом, держа обеими руками массивную латунную пепельницу.

– Спасибо, братец. – Сигарный окурочек, коротко прошипев, погас в пепельнице, а в кармане шинели проводника брякнул очередной двугривенный.

– Премного благодарен, – заученно поблагодарил «братец» и предупредительно осведомился. – Следующая остановка через полтора часа, ваше благородие. Завтрак там прикажете подать?

– Пожалуй, – кивнул Ландсберг. – Что же еще путешествующим в ваших вагонах делать, как не завтракать, не обедать и не ужинать, братец...

Проводник распахнул перед ним тяжелую дверь, успел быстро мазнуть салфеткой по начищенным перилам. Пассажир легко поднялся в купе, скинул на диван слегка отсыревшее пальто и сел рядом. Впереди было восемнадцать суток путешествия через всю Россию...

Не дожидаясь отправления поезда, он придвинул поближе стопку белейшей бумаги, свинтил колпачок «вечного пера» и начал набрасывать план будущей рукописи. Строчки ложились на бумагу быстро и ровно, словно давно были приготовлены где-то внутри и только и ждали момента, чтобы вырваться наружу. Детство, семья, юность, Санкт-Петербург. Первая военная экспедиция в Туркестане и снова северная столица России. Вторая война Ландсберга, возвращение... Мария Тотлебен и... Власов...

Ландсберг отложил перо, задумался. Этот период его жизни можно было обозначить одним коротким словом – «до». А с какого времени для него началось «после»?

Вздыхнув, он отложил первый, едва начатый лист и начал писать на втором. Арест на Варшавском вокзале Санкт-Петербурга, первая ночь в полицейской части. Потом – Литовский тюремный замок, следствие, приговор окружного суда.

Далее – Псковская пересыльная тюрьма, знакомство с полковником Жиляковым, углубление конфликта с матерыми преступниками, «правлящими бал» за решеткой, морское путешествие на Сахалин на тюремном пароходе, встреча с однополчанином Терещенко и его побег. И, наконец, собственно Сахалин! Это совершенно отдельная тема!

Параллельно – таинственный камерный сосед Захаренко, Вася-Василек... Две встречи с неким полковником, предлагавшим ему свободу – в Литовском замке и во время медицинского освидетельствования перед отправкой из пересыльной тюрьмы в Одессу... Кто это был? Карл мог только догадываться...

Ландсберг нетерпеливо отодвинул второй лист, написал на третьем: Сахалин.

Начать повествование об острове стоит, пожалуй, со счастливого для него стечения обстоятельств: незаконченный тоннель на мысе Жонкьер, о завершении которого князю Шаховскому надо было непременно отчитаться перед столицей. Не будь этого тоннеля – судьба Ландсберга могла сложиться совсем по-другому.

А как? Он невесело усмехнулся: очень коротко! В его «Статейном списке», увидеть который Ландсбергу довелось много позже, кем-то из тюремного начальства красным карандашом было помечено: использовать осужденного на самых тяжелых физических работах – в шахтах и каменоломнях...

Кто сделал эту категорическую приписку, появившуюся в его деле после пребывания в Псковской пересылке? Подпись должностного лица была нечеткой, в ней можно было распознать слово «полковник» и первые буквы фамилии – «Су...» – и только! Опять таинственный полковник!

По двенадцать – четырнадцать часов в тесных сырых лазах угольных шахт близ поста Дуэ, кайло в руках и черепок со свиным салом, дающий в страшной норе чуточку живительного света. Набитый нарубленным углем ящик забойщики выволакивали наружу, передвигаясь на коленях или вовсе ползком, сбивая в кровь колени и локти. А снаружи их ждала ругань надсмотрщика, тычки и пинки.

«Еле шевелишься, дохлятина! Ишь, рыло благородное! Не дашь до конца урока еще десять ящиков – останешься в забое на ночь, сволочь!» И оставляли не выполнивших «урок» в шахте на ночь, без черпака пайковой жидкой баланды с парой мелких черных картофелин и разваренными рыбьими костями на дне котелка, без фунта черного сырого хлеба. И силы таяли в страшном подземелье гораздо быстрее, чем наверху... И проклятый угольный ящик становился совсем тяжелым и неподъемным.

Тюкая кайлом по угольному пласту, каторжник, помимо воли, часто засыпал, впадал в забытие. И уже сам оставался в угольной норе, не желая выползть под тычки и ругань даже ради жидкой похлебки... Он уже не рубил уголь, а просто лежал, бездумно моргая на чадающий огонек копилки, пока не умирал. Надсмотрщик, обратив внимание, что из угольной «норы» нет поступления угольных ящиков, со страшной руганью посылал в тесный лаз других «шахтеров». Те находили мертвое тело, привязывали к ногам веревку и выволакивали его наружу, проклиная товарища за лишнюю «ходку» на кровоточащих локтях и коленях...

Нет, решил Ландсберг, откладывая в сторону очередной лист. Нет, пока он не готов к таким воспоминаниям. Пока это слишком близко. Нужно время, нужно подольше пожить среди нормальных людей – на солнце, слушая птиц и детские голоса. Начну с чего-нибудь не столь мрачного – ну хоть бы и с недавнего плена в Японии. Там было, по крайней мере, не страшно!

Ретроспектива-1

...Это была третья война Ландсберга. И впервые он готовился принять в ней участие не то чтобы против своего желания – безо всякого энтузиазма. Без пьянящего душевного порыва, бросившего его в первый свой Туркестанский поход под началом генерала Кауфмана. Без честолюбивых планов своего участия во Второй Турецкой кампании.

«Может, все это только потому, что я стал стар? Тяжел на подъем? Потому, что у меня есть семья и в душе мало что осталось из того, что толкает людей на защиту своей земли, своего Отечества, – думал он. – Действительно: ради чего мне защищать Сахалин?»

На самом деле он не рвался в бой просто потому, что подготовка к стоящей на пороге войне с Японией была самой бестолковой военной кампанией на его памяти. С самым бездарным военачальником из всех, что когда-либо встречался на пути Ландсберга.

Кауфман, легендарный Белый генерал Скобелев, граф Тотлебен – судьбе было угодно, чтобы жизнь Ландсберга в разное время пересекалась с судьбами этих замечательных полководцев. Губернатор и начальник местных войск острова Сахалин генерал-лейтенант Ляпунов, назначенный высочайшим указом императора Николая II, был кем угодно, – но не боевым генералом в полном понимании этого слова. Его военный, с позволения сказать, опыт исчерпывался короткой службой в пехоте и артиллерии еще в качестве... младшего офицера. Высокие чины и ордена Ляпунов получил позже, и, увы, не за воинское искусство, а за усердное и рьяное выполнение указаний и пожеланий высокого начальства на тыловой и административной стезе.

Да бог с ним, с отсутствием у Ляпунова военного опыта и стратегического мышления, размышлял Ландсберг. Но как, как мог «проворонить» войну глава сопредельной с Японией территории? Войну со страной, в которой все последние годы совершенно не маскировались замыслы о захвате северных земель? Ведь вопрос о необходимости присоединения Сахалина к владениям Японии не сходил со страниц газет несколько лет. О близкой войне с Россией говорили практически все местные рыбопромышленники. Не скрывали своих замыслов об экспансии и японские владельцы сахалинских промыслов на юге острова – а их насчитывалась без малого сотня!

Недальновидность и политическая близорукость на грани великодержавного шовинизма простительна – вернее сказать, более объяснима – для столичных кабинетных чиновников. Для них Сахалин – не более чем забытый богом клочок земли где-то на окраине империи. Как говорится, когда-то застолбили остров – и благополучно о нем забыли.

Ландсберг не сомневался: в Санкт-Петербурге поползновения Японии не воспринимали всерьез до последнего. И это понятно и объяснимо, если оценивать необъятные просторы России в сравнении с «клочками» скалистых Японских островов где-то в самой уголке карты Евразии, чуть не под рамкой. Понятна и объяснима такая наивность у детей – но как ее объяснить у генералов и министров великой России?

Почему высшие чины Российской империи, включая военного министра, столь упорно не желали замечать реальные признаки беды, концентрировавшейся у восточных окраин?

Ландсберг не считал себя политиком. Но будучи коммерсантом, считал обязательным для себя держать руку на пульсе событий. В свое время для себя он отметил, что подготовка Японии к войне форсировалась с приходом к власти лидера японских «ястребов» Ямагаты¹.

¹ Ямагато Аритомо – японский политический и государственный деятель. Впервые став премьер-министром Японии, он с 1890 года настаивал на увеличении обороноспособности Японии. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов находился на посту главы Генерального штаба армии. За вклад в формирование вооруженных сил Японии получил прозвище отца японской армии.

Уже через пять лет его усилиями численность армии выросла втрое, а тоннаж ее военного флота увеличился вчетверо!

На осторожные подсказки своего окружения об опасном соседстве Ляпунов реагировал весьма легкомысленно. Он цитировал пренебрежительные и полные скептицизма высказывания военного министра, генерал-адъютанта Куропаткина, посетившего остров в 1903 году: тот назвал опасения по поводу возможного нападения на Сахалин полным бредом. Свято верил Ляпунов и в «неприступность» Сахалина для вражеского вторжения – имея в виду как погодноклиматические условия, так и рельеф скалистых, по большей части, побережий острова и отсутствие на Сахалине сколько-нибудь развитой сети дорог для продвижения войск.

Любил Михаил Николаевич Ляпунов и демонстрировать оппонентам японский орден Священного сокровища I степени, полученный им в том же году.

– Голубчик, ну кто же будет награждать одной из высших государственных наград будущего врага? Полноте вам, не берите в голову...

Что же касается Ямагато, то генерал-губернатор Ляпунов, побывавший в Японии по случаю награждения его высокой наградой, запомнил только, что тот был представлен ему как посланец Японии на коронации императора России Николая II и великий знаток японской поэзии и декоративного садоводства. О садах в поместьях и на виллах Ямагато Аритомо в Киото и Токио генерал-губернатор был очень высокого мнения...

* * *

Нельзя сказать, что Россия вообще никак не реагировала на явные военные приготовления Японии. Ландсберг хорошо помнил, как на острове работала полномочная комиссия, верстающая планы обороны Сахалина в случае возможной агрессии с юга. Но та же комиссия во главе с Приамурским генерал-губернатором Линевицем отвергла подготовленные и предложенные военным министром Куропаткиным два варианта подготовки обороны острова – как «необоснованно» дорогие. Значит, комиссия тоже не верила?

Необоснованно дорогие, не удержавшись, вслух фыркнул Ландсберг. Не более пятисот тысяч рублей на всё про всё – и дорого? При том, что полномасштабную подготовленную Куропаткиным программу назвать было никак нельзя. Она предполагала усиление Корсаковского и Александровского постов двумя батальонами пехоты, двумя артиллерийскими батареями, дополненными «вышедшими из нормальной табели» – считай, списанными! – крепостными орудиями для защиты рейдов. Программа не предусматривала даже строительства бетонных оборонных сооружений – предполагалось ограничиться деревянными блиндажами и пороховыми погребами...

Но даже эта, весьма усеченная программа подготовки защиты острова, не была к началу войны выполнена. На Сахалине «проснулись» только тогда, когда японский флот уже топил российские боевые корабли под Порт-Артуром. И только тогда, когда «жареный петух клюнул», начали спешно лепить на западном побережье полевые укрепления...

Заметим: земляные полевые укрепления! Как будто на вооружении противника были пушки времен царя гороха!

Лепить или ЛЯПУНОВить?

А готовность местного гарнизона? Как известно, необходимыми условиями успешных боевых действий командиров и нижних чинов являются слаженность действий и понимание стоящих задач. Оборонять остров в случае войны должны были подготовленные и знакомые с местностью солдаты и офицеры. Но и этого не получилось, размышлял Ландсберг. Еще в начале 1904 года по плану мобилизации командованием было сделано представление о формировании из местных воинских команд батальонов – однако к концу года в такой батальон

была трансформирована одна лишь Александровская воинская команда. Дуйский батальон, дай бог памяти, был сформирован всего за несколько дней до высадки японского десанта.

Примерно так же получилось и с формированием двух батальонов из воинской команды, прибывшей на остров из Николаевска поздней весной того же 1904 года...

А что за вид был у того поступившего с материка пополнения! Нижние чины в рванине, без форменной обуви, едва не в лаптях. Защитники не были знакомы с элементарной воинской подготовкой. Все как один в возрасте, с животами и одышкой...

А артиллерийское прикрытие? Восемь клиновых орудий двадцатилетней давности, без поворотного механизма и сошников, с изношенными стволами. Стрельба из таких, с позволения сказать, пушек реально угрожала жизни орудийной прислуге – к тому же прибыли эти орудия всего за несколько дней до высадки японского десанта. Лошади для их передислокации закуплены не были – опять-таки по причинам экономии. В итоге перетаскивать этих тяжеленных монстров солдатам приходилось вручную, что лишало отряды мобильности. И чтобы не лишиться этой самой мобильности окончательно, на второй же день обороны защитники острова сбросили орудия в глубокие овраги...

К началу объявленной на Сахалине в 1904 году мобилизации Ландсберг в списках гражданской администрации давно уже не числился. На Сахалине его знали как агента Приморской пароходной компании, островного представителя КВЖД и торгового дома «Кунст и Албертс» из Владивостока.

Не дождавшись приглашения, он записался в добровольцы. На фоне разговоров о нехватке командного состава и офицеров для Сахалинского гарнизона, с учетом своего военного образования и боевого опыта двух кампаний, Карл Ландсберг был неприятно поражен тем обстоятельством, что его сначала упорно «не замечали», а позднее, вынужденно заметив, начали «задвигать».

Да, конечно, он бывший каторжник – но наказание-то им отбыто! К тому же, каторжное прошлое не мешало и гражданской, и тюремной администрации острова в полную меру использовать его инженерные знания военного сапера для строительства зданий, дорог, мостов и причальных сооружений едва ли не с первого дня прибытия на остров. А тут – Отечество в опасности, а главным его сахалинским охранителям бывший гвардейский офицер с его боевым опытом, выходит, не требуется? Проглотив обиду, Карл продолжил настойчиво предлагать себя в качестве военспеца.

А вольное сахалинское население тем временем деятельно готовилось к эвакуации с острова. Те, кто не успел покинуть остров с первым после начала войны с Японией весенним сплавом 1904 года, намеревались непременно уехать летом или осенью. Тогда же Ландсберг намеревался отправить в Европейскую Россию через Де-Кастри и Владивосток и свою семью – супругу Ольгу Владимировну и сына Георгия.

– Но ты же сам говорил, Карл, что в случае начала военных действий Японии в Татарском проливе Де-Кастри тоже подвергнется нападению! – осторожно начала Дитятева.

– По моим предположениям, скорее всего, да. Но ты же не будешь сидеть в Де-Кастри и ждать нападения японцев! – уговаривал Карл. – Наймешь лошадей, и почтовым трактом двинешься во Владивосток. И не спорь, майн либе! – Ландсберг шутиливо постучал вилкой по тарелке. – Не спорь! Я понимаю, что такое путешествие будет долгим и не столь комфортным, как на пароходе – но нынче нужно быть реалистом. Проливы у Японских островов заполнены минами, торговый путь нынче проходит много восточнее Японских островов. К тому же, Россия находится с Японией в состоянии войны. И хотя с начала боевых действий и до сих пор японский флот не подвергал атакам русские торговые корабли, – кто знает, как сложится ситуация летом и осенью?

Ландсберг помолчал, поиграл вилкой и вдруг добавил:

– К тому же, майн либе, очень даже вероятно, что с тобой и Георгием поеду и я!

– Это было бы просто замечательно, Карл! Тогда – хоть на верблюдах! – Ольга Владимировна даже захлопала от радости в ладоши.

Однако, поглядев на помрачневшее лицо мужа, снова нахмурилась:

– Но тебе же дали под начало Первую саперную дружину! Что-то изменилось, Карл? Ты говорил, что в случае начала военных действий на Сахалине будешь принимать участие в его обороне. Нет-нет, я просто мечтаю уехать отсюда вместе с тобой... Но ты расстроен... Что-то случилось?

* * *

Карл рассказал все. О том, что командирами созданных добровольных дружин ставят даже офицеров тюремного ведомства, не имеющих никакого опыта военных действий и начальной военной подготовки. А он командует Первой Саперной дружиной как гражданское лицо. Он статский начальник дружины, без присвоения воинского звания!

Рассказал Ландсберг и о своем визите к правителю канцелярии военного губернатора, подпоручику запаса Марченко – до самого Ляпунова его не допустили, объясняя сие чрезвычайной занятостью последнего.

– Я, собственно, не понимаю мотивов вашего визита, господин Ландсберг, – прервал посетителя подпоручик. – Вам оказано доверие, под ваше начало отданы две сотни дружинников. Чего еще вам угодно?

– Господин правитель канцелярии, вы же военный человек. И не можете не понимать моей озабоченности. Принципы формирования дружин на Сахалине таковы, что в них записались вчерашние каторжники, ставшие вольными поселенцами. Поддержание в таком военном формировании дисциплины и требуемого боевого духа представляют для командиров немалые сложности! Ну подумайте сами, господин подпоручик, как командир может обеспечить безусловное выполнение своего приказа, ежели крайним наказанием для дружинника является его отчисление из дружины!? А ежели во главе дружины поставлен статский – то рядовой чин, извините, пять раз подумает, прежде чем исполнить его распоряжение! Даже сейчас, когда моя дружина роет окопы и чинит дороги, а над головами не свистят пули и снаряды, дружинники шушукаются, задают мне неприятные вопросы, дерзят и пускаются в рассуждения относительно отдаваемых мной приказов. Иной раз и оспорить приказы пытаются! А что же будет, когда японцы высадят на Сахалин десант и мне придется вести их в атаку?

– Милостивый государь! – Марченко поднялся, вынуждая тем самым подняться и посетителя. – Милостивый государь, господин пароходный агент! Кто, собственно, дал вам право критически обсуждать высочайше утвержденные правила формирования дружин? И что это, па-азвольте спросить, за паникерские пр-р-редположения насчет высадки японского десанта? В директиве его высокопревосходительства, господина военного губернатора Сахалина Николая Михайловича Ляпунова ясно сказано о невозможности штурмовой атаки противника на неприступные сахалинские берега... Ландсберг, что вам, собственно угодно? Я, извините, занят!

– Я покорнейше ходатайствую о присвоении мне воинского чина подпоручика, что соответствует моему прежнему чину во время прохождения службы в лейб-гвардии Саперном батальоне. Хотя бы на военное время! Хочу вторично обратить ваше внимание, господин правитель канцелярии, что данное ходатайство проистекает не из личных мотивов, но прежде всего из интересов дела!

– Оставьте ваше ходатайство у порученца в приемной! – пренебрежительно махнул рукой Марченко. – Ответ, впрочем, могу сообщить уже сейчас – он будет отрицательный! Вы, очевидно, очень быстро забыли, господин пар-р-роходный агент, о своем каторжном прошлом. Как и о том, что прежнего чина, дворянства и прав состояния вы лишены по приговору суда!

Который никто пока не отменял, милостивый государь! Представление о присвоении воинского чина лицам, назначенным командирами дружин, безусловно, является прерогативой военного губернатора острова. Однако по отношению к вам, милостивый государь, это представляется совершенно невозможным! Ступайте, Ландсберг, ройте свои окопы! И накрепко запомните, что они никому не пригодятся – это не более чем разумная мера предосторожности!

– Дай-то бог, господин правитель канцелярии! – Ландсберг коротко поклонился, четко повернулся и направился к дверям, однако напоследок не удержался от резкости. – Что же касается убежденности его высокопревосходительства в невозможности боевых действий противника на Сахалине и его директивы на сей счет... Это что, согласовано и с японской стороной?

– Что-с? Что вы сказали?

– Честь имею, господин правитель канцелярии! – Ландсберг еще раз поклонился и вышел из кабинета.

* * *

– Теперь, конечно, воинского чина мне не видать как своих ушей, – грустно посмеиваясь, закончил рассказ Ландсберг. – Но все равно обидно, Олюшка! В моих бумагах всё есть – и про участие в боевых походах, и о наградах. Я не настолько тщеславен, чтобы ставить условием моего участия в обороне Сахалине непременно присвоение воинского чина. Но согласись, майн либе, что одно дело – гражданский начальник дружины, роющей окопы и строящей дороги. И совершенно другое – состояние боевого духа добровольца, которого должен поднять в атаку не командир, а статский начальник.

– Карл, Карл, ну, право, ты как мальчишка! Неужели за все годы на острове ты не привык к тому, что здешние бездари в мундирах просто завидуют твоим способностям, знаниям, умениям! Они не могут состязаться с тобой по-честному – умом, талантами, способностями, и пытаются уязвить тебя любым способом!

– Да всё я понимаю, Олюшка! И давно бы махнул рукой: не нужен вам Ландсберг? Как угодно! И уехать... Но, майн либе, тут не всё так просто! Во-первых, я мужчина, я – Ландсберг! А Ландсберги никогда не отсиживались в кустах, когда вокруг сверкала сталь и гремели выстрелы! И потом...

– Что же ты замолчал, Карл? А что дальше?

– А дальше вопрос уже более практического свойства. Наместник императора на Дальнем Востоке, генерал-адъютант Алексеев, направил государю императору ходатайство о высочайшем даровании бывшим каторжникам, которые примут участие в боевых действиях, многих льгот. В их числе и полное помилование, и возвращение прав состояния, и дозволение на жительство в столице... Ты же знаешь, майн либе, сколько раз я писал прошения во все инстанции. Я просил, если ты помнишь, не о возвращении дворянского звания, не о правах состояния! Только чистый паспорт! Пусть мещанин – но без упоминания о каторге!

– И все твои прошения, все ходатайства за тебя канули в вечность, – грустно кивнула супруга.

– Увы! Поэтому единственным способом добыть себе чистый паспорт остается участие в боевых действиях. Выходит, мне есть за что воевать, есть за что рисковать жизнью! Полное помилование, Олюшка! Представляешь?

– Карл, послушай! – Ольга Владимировна помялась, нерешительно посмотрела на мужа, но все же продолжила. – Видит бог, я не хотела говорить на эту тему, но коли ты сам начал... Ты не рассердишься, Карл?

– Я догадываюсь, о чем пойдет речь. И не рассержусь, майн либе, – усмехнулся Ландсберг.

– Я просто подумала, Карл... Может, то, что тебе не дают проявить военный талант – это знак судьбы? – Ольга Владимировна встала из-за стола, подошла к мужу сзади, обхватила его голову руками, прижала к груди. – Карл, ну зачем тебе эта война? Неужели ты не навоевался за свою жизнь? И зачем мне твое полное помилование, если... если тебя не станет? Ты ведь уже не молод, Карл! И у тебя есть сын, которому нужна твоя поддержка и опора. Люди забыли о тебе – забудь о них и ты! Забудь об этом проклятом острове, давай просто уедем!

– Я думал об этом, Олюшка, – глухо отозвался Ландсберг. – И давай-ка, милая, больше не будем называть Сахалин проклятым островом: мы ведь встретились здесь! И только за одно это я благословляю эти берега!

Тем временем, война гремела орудийными залпами пока далеко от Сахалина. Поздней осенью, одним из последних пароходов каботажного плавания, Ольга Владимировна по настоянию мужа все же уехала с сыном в Де-Кастри. А уже оттуда, дождавшись снега, на санях, направилась во Владивосток. Там семья Ландсберга села на немецкий пароход и отправилась в длинное морское путешествие вокруг всего материка, в Санкт-Петербург. Прощаясь с Ольгой Владимировной и сыном Георгием на год-полтора, Ландсберг и предположить не мог, что расстанется с ними на долгие пять с лишним лет...

– Бог даст, и минует нас чаша сия! – крестилось в Александровском посту гражданское население. – Япошки нынче уже верх взяли. Чего им еще воевать?

Военные, в общем и целом, так же склонялись в пользу того, что до Сахалина война не докатится. Главным аргументом их уверенности теперь была Балтийская эскадра под командованием адмирала Зиновия Рожественского, шедшая боевым порядком на Дальний Восток через южные моря.

Однако эскадра двигалась не слишком быстро и с приключениями. Приняв небольшую флотилию мирных английских рыбаков за японские боевые корабли, «рождественцы» лихо их расстреляли из орудий и потопили. Британия, естественно, возмутилась. Их эсминцы расчехлили орудия, и теперь вся надежда была на дипломатов. На Сахалине тоже узнали про это, но особой тревоги в задержке эскадры Рожественского не было.

– Не полезут японцы на Сахалин, – уверяли люди друг друга. – Они ж понимают, что здесь, в проливах, их флот легко запереть и уничтожить!

Военный губернатор Сахалин Ляпунов затишье перед грядущими мирными переговорами с Японией трактовал опять-таки в пользу своей уверенности.

– Я же говорил, господа! Я всегда говорил, что воевать нам тут не придется! К тому же наш остров имеет статус колонии, а в цивилизованном мире с колониями не воюют-с!

Однако грянула Цусима, после которой военно-морские силы Японии могли уже не беспокоиться за свои тылы. Япония вновь обратила взгляды на Север, на Русское Охотоморье. И, разумеется, на Сахалин. В секретных донесениях русских дипломатов из Кореи называлась даже точная дата начала сахалинской экспансии. Были ли доведены эти сведения до военного губернатора острова Ляпунова?

Может быть, да. А, может, и нет – во избежание «возникновения панических настроений».

В конце концов война до Сахалина всё же докатилась – поправ оптимистичные прогнозы командования. После разгрома русских войск под Мукденом вся Россия ждала другого – начала русско-японских мирных переговоров. Однако в верхах что-то тянули, переговоры так и не начинались.

* * *

Тем временем сформированная весной 1805 года на Хоккайдо из резервистов общевойсковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Харагучи уже в конце июня того же

года двинулась на собственной вспомогательной флотилии через пролив Лаперуза. Флотилия шла под прикрытием Северной эскадры вице-адмирала Катаоки.

23 июня 1905 года порученец Канаев ворвался в кабинет генерал-лейтенанта Ляпунова с развевающейся, как вымпел, длинной телеграфной лентой в руках:

– Ваше высокопревосходительство, только что получена депеша из Корсаковского поста, от полковника Арцишевского: через пролив Лаперуза под японским флагом идет большое соединение военных кораблей...

– Значит, все-таки началось, – искренне расстроился Ляпунов. – Вот что, батенька: мне срочно нужен прямой провод с Петербургом. Предупредите телеграфиста, а пока соберите на совещание командиров отрядов! М-да... Все-таки началось!

С этой последней фразы военный губернатор и начал оперативное совещание, спешно собранное уже через час после получения депешки из Корсаковского поста. В штаб были вызваны командиры Арковского, Александровского и Дуйского отрядов, сосредоточенных на западном побережье острова, а также командиры всех приданных отрядам дружин. Конный разъезд помчался с донесением о японских кораблях в село Рыковское, где был расквартирован Тымовский резервный батальон.

На оперативном совещании Ляпунов уточнил диспозицию Сахалинского гарнизона и задачи, стоящие перед защитниками острова. В южном укрепрайоне были сосредоточены серьезные силы: отряд Арцишевского из четырехсот пятнадцати штыков, восьми орудий и трех пулеметов защищал пост Корсаковский. Еще четыре орудия удалось снять с затонувшего крейсера «Новик». На юге Сахалина «осели» также длинноствольные орудия, несколько пулеметов и большое количество стрелкового вооружения, отправленные по приказу военного министра Куропаткина для довооружения двух постов еще в октябре 1904 года. Однако присланной буквально вслед директивой военного министра все это вооружение предписывалось оставить в Корсаковском.

Остальные четыре отряда укрепрайона предназначались для партизанской войны в случае захвата противником юга острова.

Но как защищать северное побережье?

По телеграфному проводу Ляпунову удалось связаться с военным министром. Поставленный перед фактом нападения на Сахалин, министр сообщил, что им в Ставку направлено требование об отправке на Сахалин регулярного батальона численностью две тысячи штыков, а также необходимого тяглого лошадиного резерва и боезапаса. Переброска войск и обозов должна была быть осуществлена предстоящей зимой, с установлением санного пути.

Собранные на совещание офицеры со значением переглядывались: враг уже на пороге, а военный министр, словно не слыша, уповает на санный путь! В июне, когда до зимы еще пять месяцев!

Кстати говоря, этого пополнения на острове так и не дождались: Ставка, в который уже раз, отклонила план Куропаткина.

Ляпунов, стараясь не встречаться глазами с офицерами, напомнил им: Арцишевский имеет приказ оборонять пост Корсаковский сколько возможно, а в случае неминуемого захвата его противником ему предписывалось уничтожить административные здания, денежную наличность, документы и уйти в тайгу, для ведения партизанских действий. Чтобы сохранить орудия и обозы, в тайге заранее прорублена просека, по которой отряд Арцишевского и приданная ему артиллерия могли быть скрытно от движущихся в Татарском проливе японских кораблей переброшены до села Соловьевка. В тайге, утверждал генерал-губернатор, были заранее размещены и замаскированы тайники с продовольствием, оружием и боеприпасами.

Ландсберг слушал генерала со смешанным чувством гнева и бессилия. Давно оставив службу инженера-архитектора, он за недавнее время, тем не менее, дважды побывал в Корсаковском посту – прошлой осенью и нынче летом. И по возвращению с юга острова счел

своим долгом письменно изложить военному губернатору острова профессиональное мнение о состоянии той рокадной² дороги.

Может, его высокопревосходительство просто забыл об отвратительном состоянии рокады в той просеке? Но ведь невозможность прохождения по ней обозов и артиллерии была подкреплена самолично сделанными Ландсбергом фотографиями. По той наспех сделанной просеке могли пройти – по зимнему времени, и то с великим трудом! – лишь легкие нарты с собачьими упряжками. К нынешнему лету просека и вовсе заболотилась, и была преодолимой разве что для пешего либо верхоконного прохождения. Да и то при условии, что лошади были бы сахалинские, привычные к подобному передвижению по оставленным корням и невыкорчеванным пням.

Рапорты Ландсберга и его фотографические снимки легли под сукно...

Что же касается тайников с боеприпасами и продовольствием, устроенных в тайге для будущих партизанских действий, то это и вовсе было общеизвестным скандалом. Некто Коптев из ссыльнокаторжных еще прошлой осенью выдал эти тайники японским рыбопромышленникам юга острова – агентам японских спецслужб. Пропивая полученное вознаграждение в кабаках, Коптев без зазрения совести хвалился перед собутыльниками своим иудиним делом. Слухи о предательстве дошло до властей Корсаковского поста, Коптев был арестован и попал под следствие, во всем признался и получил новый срок. Арцишевский провел ревизию нескольких тайников, и убедился, что они частично разграблены, а частично приведены в полную негодность. Об этом было доложено военному губернатору Ляпунову и озвучено им на очередном совещании. Однако мер по пополнению тайников и смены мест складирования в тайге припасов для партизан не принял ни Арцишевский, ни сам Ляпунов. Не были арестованы и изолированы прознавшие про тайные склады японские агенты.

Тем не менее на нынешнем совещании Ляпунов с воодушевлением вещал про переброску войск с юга по несуществующей рокаде. Были и упомянуты как действующие и разграбленные таежные тайники. Ландсберг слушал генерала и не верил своим ушам. Все это походило на дурной сон...

При этих условиях говорить о сколько-нибудь длительном сопротивлении Корсаковского гарнизона и действительности сопротивления партизанских отрядов Южного Сахалина было просто безумием! Тем не менее военный губернатор утверждал, что долгое сопротивление корсаковцев свяжет силы японцев и не даст им возможности двигаться на север.

Да здоров ли Ляпунов? Не страдает ли он провалами памяти? А прочие участники совещания? Отсутствие условий для маневра войск на юге острова и провальная ситуация со складами для партизан были известны всем – и люди молчали...

Да и какая разница, мрачно размышлял Ландсберг, на какое время свяжет Арцишевский японские силы на юге острова – на два дня или на две недели? Да хоть на два месяца! Какая разница – если здесь, на главном направлении удара противника, ничего уже не изменить ни за два месяца, ни за два дня.

Вся сущность Ландсберга, всё, чему его когда-то учили в саперном батальоне и наглядно демонстрировали на полях сражений – всё восставало против выработанных Ляпуновым тактики и стратегии обороны. Господи, да имеет ли его высокопревосходительство вообще понятие о таких военных науках?!

Ландсберг хорошо знал западное побережье острова, исходив его в своих охотничьих странствиях вдоль и поперек. Много раз, во время морских поездок на юг острова и во Владивосток, он видел здешние скалистые берега. И сейчас, глядя на крупномасштабную карту средней части острова, по которой суетливо металась указка военного губернатора, он был

² Рокада (от фр. gacade) – шоссе или грунтовая дорога в прифронтовой полосе, проходящая параллельно линии фронта. Рокады используются для маневрирования войск.

совершенно убежден, что наиболее пригодными для вражеского десанта являются сравнительно невеликие участки побережья. В общей сложности – протяженностью не более двадцати пяти верст. Да и не к чему, собственно говоря, японцам высаживаться на неласковые берега далеко южнее или севернее островной столицы. Отсутствие дорог делает сухопутную переброску войск с места высадки до столицы острова невозможной и нецелесообразной.

Ландсберг был убежден: именно здесь, на этих двадцати пяти верстах, и следовало бы сосредоточить все силы защитников острова! Для сплошной линии обороны сил, разумеется, маловато. Однако десантный флот противника будет для защитников острова как на ладони! Замысел японцев направить удары севернее или южнее будут настолько очевидны, что угадать их и направить к местам высадки мобильные отряды труда не составит!

Имеющейся у сахалинцев артиллерией потопить японские корабли, появившись они на рейде Дуэ, конечно, невозможно. Однако шквальный винтовочный и пулеметный огонь по десантным баржам и катерам нанесет противнику серьезный урон. А несколько господствующих высот на побережье словно самой природой были созданы для того, чтобы небольшая горстка защитников, с достаточным запасом боеприпасов, не имея перед собой «мертвых зон» для обстрела, смогла бы долго удерживать свои участки от захвата десантом.

Правда, нельзя забывать об огневой поддержке, которую окажет десанту корабельная артиллерия японцев. Под прикрытием орудий японский десант – пусть со значительными потерями – рано или поздно достигнет берега. Но тут японские солдаты окажутся на открытом, простреливаемом насквозь участке. И, озабоченный военный губернатор заблаговременно о строительстве второй линии качественных береговых укреплений, противника вполне реально было бы задержать и даже сбросить в море.

Но о какой второй линии сейчас можно говорить, если и первая-то никуда не годилась! Спустя самое малое время после завершения спешного, абы как, строительства, неукрепленные стенки траншей и окопов «поползли» от дождей, их дно превратилось в грязевую ловушку. Сейчас, когда реальная угроза десанта проявилась во всей своей очевидности, времени для приведения вырытых окопов в порядок, наверное, хватит. Часть окопов и соединительных траншей была спланирована настолько бездарно, что при оружейной поддержке с моря засевшие там защитники будут неминуемо уничтожены огнем артиллерии.

Исключение представлял лишь участок линии обороны, подготовленный дружиной Ландсберга и под его руководством – по всем правилам фортификационной науки.

Отметил Ландсберг и еще один минус: линия обороны, намеченная лично генерал-губернатором, была слишком коротка. Японцы быстро поймут это, оглядев берег в бинокли... И, высадившись на доступных участках севернее и южнее, зайдут с флангов и вынудят защитников отступить.

А нынче его высокопревосходительство, между тем, о необходимости укрепления береговой обороны даже и не поминает! «Ждать» и «готовиться» – это были, пожалуй, самыми употребляемыми им на памятном совещании 23 июня глаголами.

«Конечно, – рассуждал Ландсберг. – Конечно, за всякой военной доктриной неминуемо стоит так называемая большая политика. Вот и Ляпунов напоминает о директиве Ставки военного командования: драться за Сахалин до заключения с Японией мирного договора. В Ставке были убеждены, что яростное сопротивление защитников Сахалина даст русской делегации на будущих мирных переговорах сильную козырную карту».

Закончилось совещание сообщением ординарца генерал-губернатора о том, что телеграфная связь с постом Корсаковский прервана. Офицеры переглянулись: очевидной причиной прекращения связи был захват противником телеграфной конторы в самом посту. Либо диверсионная вылазка японцев на берег и порча ими телеграфной линии. Но в любом случае было ясно: японские солдаты уже вступили на островную землю...

Отпустив офицеров, командующих отрядами, Ляпунов попросил задержаться командиров приданных отрядам дружин. В большинстве своем ими были командированные из Маньчжурской армии офицеры. Почти у всех на мундирах с погонами красовались совсем недавние боевые награды.

На статского начальника Первой саперной дружины Ландсберга маньджурцы поглядывали с иронией, а некоторые и откровенно посмеивались над его маловразумительным военным «нарядом». Форма дружинников была придумана кем-то в Ставке и получила личное одобрение Ляпунова – всё того же каторжного серого цвета, она была лишена погон и знаков отличия.

Каторжное прошлое Ландсберга не было тайной ни для кого, и только двое-трое из командиров отрядов относились к нему без предубеждения, как к равному. И возмущались вопиющей несправедливостью – тем, что по чьей-то злой воле либо недомыслию начальства ему не присвоен воинский чин. Капитан Филимонов и штабс-капитан Рогайский, командиры второй и пятой дружин, не ограничились выражением сочувствия и солидарности, а неоднократно поднимали в присутствии военного губернатора вопрос о присвоении Ландсбергу воинского чина. Однако их вмешательство вызвало лишь откровенное раздражение генерала.

– Господа офицеры! Я хотел бы обратить ваше внимание на морально-нравственный дух воинских формирований, которыми вам доверено командовать, – начал Ляпунов. – Я не желаю нынче устраивать подробных разбирательств участвовавших за последнее время случаев мародерства и грабежа местного мирного населения. Не до того, господа! Однако жалоб на ваших дружинников приходит много, верьте слову! Там забрались в курятник и несусеки передушили, здесь произвели незаконную реквизицию муки или сена... Дружинники, аки псы голодные, рыщут по селениям и требуют у обывателей водку, мясо... Это крайне неприятные факты, господа! Тем более – в свете предстоящих нам, по всей вероятности, партизанских действий. Первое дело для партизан – поддержка мирного народонаселения, его лояльность и помощь. Ничего этого не будет, если вы в самом начале не искорените факты ограбления мирных поселенцев и случаи мародерства... Капитан Щекин, вы имеете сказать что-нибудь по существу?

Тот вскочил:

– Если позволите, ваше высокопревосходительство. Я уже письменно доносил и вам, и исполняющему должность начальника штаба местных войск подполковнику Осипову про случаи маскировки грабителей – очевидно, беглых арестантов – под дружинников. Две таких шайки были пойманы мною собственноручно, на месте преступления. Добыли, мерзавцы, красных ленточек, понашили их на бушлаты и армяки, и под видом квартирмейстеров и заготовителей обшаривали подворья поселенцев. Так что, господин генерал, тут всех собак, извините, вешать на наше воинство нельзя-с!

– Дозвольте дополнить капитана Щекина, господин генерал! – вскочил и молодецкато щелкнул каблуками капитан Быков. – Мало того, что обмундировка у дружинников, смею доложить, невразумительная какая-то, так еще и вопрос наведения дисциплины в дружинах не проработан. Где это видано, господин генерал, чтобы самым тяжким наказанием для солдата было его отчисление из воинского подразделения? Этак и сам Александр Македонский свои когорты мигом бы растерял, осмелюсь предположить! На время боевых действий и объявленного на острове военного положения самым разумным было бы приравнять дружинников к нижним армейским чинам. Вот когда они будут знать, что за оставление поля боя или мародерство под трибунал пойдут – тогда и дисциплина будет!

– У вас все, господа? Тогда отвечу сразу обоим, – кивнул военный губернатор острова. – Грабителей, маскирующихся под дружинников, приказываю изобличать, и с помощью местных гражданских и полицейских властей разьяснять. Местных жителей передавать гражданским властям, беглых арестантов расстреливать на месте. Это первое. Со вторым сложнее, господа офицеры! Формирование дружин и положенные в его основу принципы, включающие как

льготы для дружинников, так и примерные меры наказания, изложены в приказе № 47 Наместника его Императорского Величества. А коли так, господа офицеры, то и обсуждать, а паче чаяния, осуждать сей приказ никому права не дано. Его надо исполнять. Есть еще вопросы? Нет? Тогда есть у меня вопрос к господину начальнику Первой саперной дружины господину Ландсбергу.

Ляпунов близоруко сощурился на вскочившего с места Ландсберга.

– Так вот, господин начальник Первой саперной дружины. Из имеющегося у меня рапорта следует, что всю последнюю неделю ваши люди усердно упражнялись в ежедневной стрельбе по мишеням. Стреляли по полтора-два часа, растрачивая при этом всякий раз не менее тысячи патронов. При всей похвальности воинских занятий, из данного факта вытекает грубейшее нарушение изданной мной директивы, доведенной, как уверяет начальник штаба, до всех войск местного гарнизона. А именно: налицо легкомысленное, если не преступное расходование боеприпасов, коих на каждую дружину выдано из расчета по двести патронов к винтовке системы Бердана. Учиться стрелять – это, конечно, похвально. Но чем же воевать после такой расточительной учебы собираетесь, господин Ландсберг? Патронов в наших арсеналах почти не осталось!

– Полученный дружиной боекомплект, о котором говорит ваше высокопревосходительство, пребывает в целости и сохранности. Если вам угодно произвести личную ревизию, господин генерал – я готов предъявить все сорок две тысячи патронов немедленно!

– Тогда позвольте – а как же стрельба? Вы хотите сказать, что меня ввели в заблуждение?

– Никак нет, господин генерал! – Пряча под густыми усами легкую улыбку, Ландсберг шагнул к военному губернатору и протянул ему какие-то бумаги. – Извольте!

– Что это? – Ляпунов зашарил по столу в поисках очков. – Рапорт?

– Никак нет, господин генерал! Это оплаченный счет и расписка капитана норвежской зверобойной шхуны «Норд старз» в получении денег за проданные им винтовочные патроны системы Бердана. Если изволите вспомнить, то сия шхуна заходила в Дуэ за углем две недели назад. Зная скудость наших островных арсеналов, я поинтересовался у норвежца, нет ли у него лишних патронов? Таковые нашлись, и мне охотно их продали. Поскольку норвежский флаг является дружественным России, я не стал испрашивать разрешения властей на эту коммерческую сделку. Лицензия на подобные сделки с оружием и боеприпасами у меня, как у купца первой гильдии, имеется. Осмелюсь также напомнить вашему высокопревосходительству о разъяснительном письме господина генерал-губернатора Приморской области Гродекова, в коем он еще осенью прошлого года усиленно рекомендовал всем начальникам войск Охотоморья всемерно пополнять имеющиеся боезапасы, в том числе и за счет закупок у населения и прочих заинтересованных лиц...

Ляпунов сердито обернулся на подпоручика Марченко, и тот виновато развел руками: не знал, мол... Ляпунов откашлялся:

– М-да... Значит, не оставляете своих купеческих привычек, господин Ландсберг? – пробормотал он, потирая лоб. – За свой счет патроны купили... Что ж, в данном случае сие весьма похвально! Возьмите ваши счета и расписки... Так-с... О чем это я? М-да... Есть у кого еще вопросы, господа офицеры? Ну, тогда все свободны. Прошу следовать в распоряжение своих формирований и помнить все, о чем мы тут нынче говорили.

На улице штабс-капитан Рогайский догнал широко шагавшего Ландсберга и дружески потряс его за локоть.

– Здорово ты, Карл, «умыл» нашего «судейского генерала»! – негромко, с оглядкой на остальных офицеров проговорил он. – А заодно и этого лизоблюда Марченко! Экий поганец! У нас в Маньчжурии таким руку не подавали – доносы на товарищей писать!

– Ему не впервой, Аристарх! – хмыкнул Ландсберг. – Каждый месяц по два-три строчит – видно, обет такой дал своему богу: меня непременно «закопать»!

– Да черт с ним! – махнул рукой Рогайский. – Ну и что ты думаешь о нашей нынешней военной кампании? Полная конфузия! Полная! А ведь и я, грешный, поверил было нашему «судебному генералу», что войны на Сахалине не будет. С такой уверенностью он про это регулярно утверждал! Ну, думаю, начальству виднее! Опять-таки, он же со Ставкой все время сношения поддерживает! А тут смотри-ка, докатилось и до нас!

– Да, Аристарх, война уже совсем близко, – кивнул Ландсберг. – Японцы уже на юге острова... Неделя, много две – и мы увидим вражеские броненосцы здесь, на рейде!

Глава вторая. Где же Сонька?

...До отхода поезда Ландсберг, как и прочие пассажиры, посетил станционный буфет-ресторан Владивостокского вокзала. Там у него случилась еще одна встреча с прошлым.

– Простите, сударь, – рядом со столиком Карла остановился человек средних лет с белой бутоньеркой в петличке сюртука. – Простите, не изволите ли быть господином Ландсбергом?

Карл поднял глаза на говорившего. Прилично одетый господин, с цепким взглядом, с обширной блестящей лысиной. В руке тросточка. Лицо и голос незнакомца показались Ландсбергу смутно знакомыми, и он в который уж раз за последние годы с досадой подумал о том, что стареет, и память – особенно на лица – все чаще стала его подводить.

– Да, я Ландсберг, вы правы. Мы знакомы?

– О-о, не извольте беспокоиться и сетовать на свою память! Мы встречались с вами шесть лет назад, и довольно бегло, – незнакомец улыбнулся углами рта, ловко положил перед собеседником визитную карточку, и, словно извиняясь, добавил: – У меня-то память профессиональная, сударь!

Карл бросил взгляд на картонку: частное сыскное бюро «Стадницкий и Сын». Ну конечно, сыщик Стадницкий! Ландсберг тут же вспомнил, что нанимал этого господина для деликатных поручений, связанных с поиском во Владивостоке кандидатуры «сменщицы» для Соньки Золотой Ручки. Он приподнялся, пожал протянутую руку, предложил присесть.

– Благодарю. Собственно, я просто хотел засвидетельствовать свое почтение, господин Ландсберг, – Стадницкий поспешно опустился на стул, махнул рукой метрдотелю, караулившему каждое движение клиентов. – Рюмку коньяка, любезный! И лимончика, конечно, порезать... Изволите быть во Владивостоке по коммерческим делам, господин Ландсберг? Давно ли прибыли к нам с благословенного острова Сахалин?

– С последним осенним пароходом, сударь. Ожидаю, знаете ли, важных известий из столицы, предполагающих срочный отъезд в Европу. А с острова, как вы наверняка знаете, зимой только на собаках можно уехать. Вот и ждал известий из Санкт-Петербурга до сей поры.

– Да-да, с окончанием навигации с вашего благословенного острова не съедешь. Похвальная предусмотрительность, господин Ландсберг!

– А как ваше детективное бюро, господин Стадницкий? – вежливо поинтересовался Ландсберг. – Надеюсь, процветает?

– Да какое в нашем деле может быть процветание и благоденствие! – обреченно махнул рукой сыщик. – Это у сахалинских деловых людей коммерция на взлете! Наслышаны-с! Концессии угольные как на дрожжах плодятся, с нефтью большие дела раскручиваются... А мы что? С хлеба на квас, как говорится... Верьте слову, господин Ландсберг, больше из профессионального интереса на сыскной ниве тружусь, нежели из финансовых устремлений. Если бы не тетушкино наследство, позволяющее не думать о хлебе насущном, давно бы бросил свои детективные занятия! Тем более что по-настоящему интересные дела можно по пальцам перечесть, а так – всё больше кассиров беглых ищем-с, да жен неверных отслеживаем-с.

– Наслышаны, говорите? – Ландсберг усмехнулся, чокнулся с собеседником. – Ваше здоровье! Мы на Сахалине тоже, как говорится, о «великих» делах своих наслышаны – но только наслышаны, уверяю! Больше разговоров и ненужной суеты! Уголь и нефть на острове, разумеется, есть, но вот с разработкой месторождений проблем больше, чем самих месторождений. Главное – в законодательном и разрешительном отношении не всё определено. Впрочем, ни вам, ни даже мне нынче это и неинтересно, сударь. У вас – иные жизненные интересы, а я нынче отряхнул островной прах со своих ног, господин Стадницкий! И на Сахалин более возвращаться не планирую.

– Вот как? – вежливо поднял брови сыщик. – Крупные капиталисты туда, на остров рвутся, а вы, известный миллионщик, оттуда? Впрочем, не мое дело! Вам виднее, конечно! Да-с... Во Владивостоке не думаете обосноваться?

– Пока не знаю. Всё зависит от Петербурга, – уклончиво заметил Ландсберг. – Вот съезжу нынче в столицу, разберусь – и посмотрим потом...

Стадницкий внимательно поглядел на сюртук собеседника:

– В русско-японской войне изволили участвовать, сударь?

– А-а, это, – Ландсберг коснулся ладонью медали участника войны 1904–1905 годов с изображением всевидящего божьего ока. – Да, довелось, знаете ли...

– Не бронзовая, как у прочих, гляжу, а серебряная медалька у вас. Редкая! Мало кому такие дают – без колодки, на ленточке, специально для ношения на фраках отчеканена. Только для непосредственных участников боевых действий правительство такие медали чеканило. За особые заслуги, так сказать... Большие заслуги, полагаю, изволите иметь в той войне?

– Не больше, чем у других, – сухо ушел от разговора Ландсберг.

– Простите, если я как-то нечаянно задел ваши чувства, – извинился Стадницкий. – Просто, честно признаться, нечасто встретишь такую награду у коммерсантов. Те в войну на иных фронтах воевали...

Он прожевал дольку лимона, промокнул губы салфеткой и с сожалением заглянул в пустую рюмку:

– Ну что ж... Рад был повидаться, господин Ландсберг! Пожелаю счастливой дороги в столицу и откланяюсь!

– Благодарю, сударь!

– Да-с! Совсем забыл! Полагаю, что обязан проинформировать вас, как бывшего клиента! Пустячок, но все же...

– Слушаю вас.

– Изволите ли помнить мадам Мешкову, справки о которой вы мне в 1902 году поручали навести?

– Разумеется, господин Стадницкий! А что, собственно?..

– Тогда, в 1902 году, получив о мадам Мешковой нужные вам сведения, вы увезли ее с собой на Сахалин, не так ли? Помнится, прежде я добыл для вас и фотографическую карточку мадам!

– Кажется, да, – Ландсберг начал догадываться, куда клонит Стадницкий.

– У сыщиков цепкая профессиональная память, сударь! Впрочем, я уже упоминал об этом – так вот! Через несколько месяцев после нашей встречи с вами, провожая в последний путь свою тетушку, я увидел на здешнем кладбище фамильный склеп Мешковых. И ее фото-портрет на обелиске – и тут же невольно вспомнилось ваше поручение! Это была она, несомненно! Мадам ведь умерла?

– Кажется... Да я, собственно, не интересовался этой дамой после выполнения своей благотворительной миссии, – состорожничал Ландсберг, пока точно не понимая, куда клонит собеседник, однако не ожидая от этого разговора ничего для себя хорошего.

Повисла многозначительная пауза. Стадницкий не уходил, и Ландсберг вынужденно поинтересовался:

– А для чего вы мне про мадам Мешкову и кладбище рассказываете?

– Да уж не просто так, – коротко хохотнул сыщик. – С полгодика назад мне снова было поручено разъяснить ее личность.

– Вот как? – поднял брови Ландсберг. – И кем же поручено, ежели не секрет? Кто заинтересовался безобидной старушкой?

Заметив, что сыщик заглядывает в свою опустевшую рюмку, Карл подал знак официанту, и тот немедленно принес полную.

– О-о, благодарю, сударь! Так вот: с полгода назад в мое детективное бюро обратился известный в городе ювелир, господин Мейер. Он рассказал, что накануне к нему в магазин зашла приличная с виду дама в возрасте, и попросила приказчика показать ей несколько вещей. Она долго их перебирала, и в конце концов ушла, так ничего и не купив. А приказчик, убирая в витрину золотые украшения, обнаружил исчезновение дорогого браслета. Он выскочил вслед за дамой и обнаружил ее садящейся на извозчика. Приказчик предложил даме вернуться в магазин и разобраться в неприятном происшествии. Дама стала, как водится, возмущаться, но, не желая публичного скандала на улице, все же вернулась в магазин. Приказчик тем временем втихомолку послал за хозяином и полицией, а сам принялся убеждать даму вернуть браслет, взятый ею, видимо, по ошибке. Дама все отрицала. Явилась полиция. Дама, приказчик и господин Мейером были препровождены в участок. Там дама предъявила для осмотра свой ридикюль, а специальная сотрудница полиции произвела ее личный досмотр, который ничего не дал. Личность дамы сомнений у полиции не вызвала. Она сообщила, что во Владивостоке проездом, и нынче же отплывает на пароходе в Европейскую Россию. Ее с извинениями отпустили.

– И что же дальше, сударь?

– Ваше здоровье! – Стадницкий опрокинул в рот рюмку и продолжил. – Ювелиру в полиции сделали строгое внушение и порекомендовали поискать пропавшее украшение у своих приказчиков. А господин Мейер, как уже упоминалось, обратился ко мне. Приняв поручение ювелира, для начала я навел справки в полицейском участке. И с удивлением узнал, что пожилая дама, заподозренная в краже, предъявила бумаги на имя Мешковой.

– И вы хотите сказать, господин Стадницкий, что госпожа Мешкова оказалась воровкой? Сыщик усмехнулся:

– Если бы я своими глазами не видел могилку мадам Мешковой, я так бы и подумал, господин Ландсберг! Но тут дело обстояло иначе. Нетрудно было догадаться, что заподозренная в краже браслета дама предъявила в полиции не свои бумаги! Косвенно это подтверждалось пояснениями допрошенной дамы: она не скрывала, что приехала с Сахалина и ожидала во Владивостоке пароход Добровольного флота, чтобы на нем отправиться в Европейскую Россию! Заметьте, сударь: она прибыла к нам с острова, на который вы ранее увезли настоящую Мешкову. Каким образом к самозванке попали бумаги покойницы? На сей вопрос могла ответить только она!

Ландсберг озабоченно щелкнул крышкой золотого брегета и покосился на остывающий обед. Словно не замечая нетерпения собеседника, сыщик продолжил свой рассказ:

– Разумеется, я не поделился с полицией своими выводами и намеревался отправиться в гостиницу, которую самозванка назвала. И у меня была ее фотографическая карточка, сделанная репортером местной газеты при задержании и разбирательстве с ювелиром.

– И все же я не понимаю, сударь, при чем тут я? – Ландсберг начал хмурить брови.

– Сей момент – я заканчиваю! Карточка оказалась не слишком высокого качества, однако, внимательно присмотревшись, я увидел черты лица другой дамы, некогда широко известной в России и даже за ее пределами.

– И что же? – не выдержал Ландсберг, который уже все понял.

– Ничего-с... Скажите, сударь: насколько я знаю из газет, известная аферистка и мошенница Сонька Золотая Ручка отбывала наказание на Сахалине?

– Это общеизвестный факт, сударь! Но позвольте вам возразить, господин сыщик! Вы хотите мне казать, что узнали на фотографии Соньку Золотую Ручку? Спешу вас разочаровать! Мне доподлинно известно, что упомянутая вами аферистка умерла еще в 1904 году, в период эвакуации населения перед высадкой на острове японских войск!

– Умерла? Вот как? Простите, сударь, а вы уверены?

– Сонька была отнюдь не рядовой преступницей, господин Стадницкий! Была, как говорится, на виду у властей и у обывателей. Должен заметить, что вы начинаете испытывать мое терпение, сударь! – Ландсберг всем своим видом показывал, что продолжение разговора считал неуместным.

Видя, что беседа становится для клиента неприятной, метрдотель насторожился. Он выдвинулся из-за портьера и намеренно очутился в поле зрения Ландсберга, всем своим видом показывая готовность немедленно вмешаться и удалить назойливого посетителя.

– Я уже почти закончил, господин Ландсберг! – Стадницкий покосился на метрдотеля и прижал к груди обе руки. – В общем, для меня время было потеряно, и когда я явился в гостиницу для окончательного разъяснения личности самозванки, мне сообщили, что она съехала. Отбыла на пароходе Добровольного флота, как и сообщила в полиции, в Одессу.

– Вы так и не изволили сообщить, зачем вы рассказываете все эти ваши полицейские истории, сударь?

– Я полагал, что сия история будет вам интересна. Просто интересна, знаете ли...

– Вы ошиблись, сударь. Совершенно не интересна! Не смею задерживать, как говорится...

– Уже ухожу, уже! И последнее, господин Ландсберг! Весной следующего года, когда пароход снова оказался во Владивостоке, я все же поинтересовался у капитана судовыми документами относительно пассажиров. И с удивлением узнал, что мадам Мешкова не доехала до Одессы, а неожиданно для экипажа сошла на берег в Адене. Отчего бы, сударь? Чрезвычайно любопытно – не правда ли?

– Кому как! – сухо бросил Ландсберг. – Могу только повторить, что на Сахалине ни с мадам Мешковой, ни с Сонькой я не общался. Если вам не дает покоя это давнее дело, благоволите обратиться в соответствующие инстанции, господин Стадницкий! Ко мне у вас, надеюсь, больше вопросов нет?

Сыщик, к явному облегчению Ландсберга и метрдотеля, откланялся и ушел.

Аппетит Ландсберга был безнадежно испорчен. Ковыряя вилкой сложный гарнир, он неотвязно размышлял о том, какая все-таки это прилипчивая вещь – прошлое. Не отпускает, проклятое! Вот и тут: времени сколько прошло – а, поди-ка, напомнила о себе Сонька! Клялась ведь, божилась, что с новыми документами и в новой личине о старых грехах позабудет! И что же? До Владивостока только успела доехать, да и «засветилась» тут с прежними своими проделками!

Судя по всему, сыщик не сомневался в том, что кражу в ювелирном магазине совершила Сонька. Тем более, что предприимчивые людишки на Сахалине сотнями тиражировали фотографии мадам Блювштейн. Наверняка ее портреты попали и во Владивосток – а значит, и к сыщику Стадницкому. Ландсберг усмехнулся: ей повезло и тут! Обратись ювелир к сыщику пораньше – уехать Сонька отсюда не успела бы...

Многозначительность Стадницкого Карла настораживала. Сыщик явно чувствовал, что коммерсант Ландсберг знает больше, нежели говорит.

Не решит ли он продолжить свои изыскания? Может, не надо было гнать Стадницкого, а попытаться выпытать у него всю информацию?

«С другой стороны, времени с тех пор утекло порядочно, – успокаивал себя Карл. – Все эти годы про Соньку никаких слухов не циркулировало. И запросов на Сахалин насчет нее не поступало. Для тюремной администрации острова она умерла».

«Нет», – решил Ландсберг. Нет, не проявив никакого интереса к «любопытной информации» Стадницкого, он поступил все-таки верно. Еще четверть часа – и поезд унесет его из дальневосточных пределов – как Ландсберг надеялся, навсегда.

Рассчитавшись за едва тронутый обед, Ландсберг выбрался из заставленного пальмами зала ресторана на дебаркадер и направился к своему вагону.

Ретроспектива-2

...Без малого сутки дружина Ландсберга, закрепившись на Жонкьерских высотах, сдерживала высадку японского десанта на своем участке обороны. Подпустив десантные баржи, спущенные с боевых кораблей, на расстояние ружейного залпа, дружинники открывали пачечный огонь. Баржи смешивались, замедляли движение, рассчитывая на поддержку корабельной артиллерии. Корабли окутывались дымом, снаряды рвались на берегу, выворачивали камни и деревья. Однако дружине, разбитой на небольшие группы стрелков и рассредоточенной под прикрытием каменистых склонов, огонь корабельных орудий вреда почти не причинял.

Поняв, что на этом участке десант несет большие потери, японцы изменили тактику. Баржи стали направляться к берегу севернее и южнее Жонкьерских высот, где огонь обороняющихся был не таким плотным. Высадившись на берег и закрепившись, японцы принялись яростно атаковать подразделение Ландсберга с флангов. Дружина начала нести первые потери.

Ландсберг, укрываясь за камнями и в складках местности, лично провел разведку. Соседи с флангов уже оставили первую линию обороны и перебрались в дальние окопы. Постреливали по противнику не то что бы вяло, – но как-то недружно. В сильные линзы бинокля Ландсбергу было хорошо видно, что огонь ведется неприцельный. Дружинники, выставив стволы берданок за брустверы окопов, палили по большей части в «белый свет». Два пулемета стрекотали где-то за сопкой почти без перерыва, однако позиция пулеметчиков была выбрана не слишком удачно. Японские солдаты, почти не пригибаясь, сыпались и сыпались с барж на берег.

«Где же основные силы обороны?» – недоумевал Ландсберг. Сейчас, по идее, надо бы переместить пулеметы на фланги, и под прикрытием их огня сбросить высадившийся десант в море. Однако генерал Ляпунов почему-то медлил. А с моря накатывались новые десантные баржи, на которых виднелись лошадиные головы конного японского десанта.

– Господин начальник дружины! – закричали сзади. – Вестовой из штаба! Господин Ландсберг! Сюда! Срочное приказание!

Ландсберг принял пакет, разорвал – и не поверил своим глазам. Ляпунов извещал, что основные силы гарнизона, не принимая боя, начали отступление к Пиленгскому перевалу. Воинскому отряду капитана Терещенко и приданной ему дружине Ландсберга предписывалось обеспечитькрытие отступающих частей, причем дружина замыкала арьергард.

– Он с ума сошел, – бормотал под нос Ландсберг, торопливо строча на развернутом планшете ответное донесение. – Нам надо хоть темноты дожидаться, иначе под огнем противника половину дружины положу! Где вестовой?

– А он обратно убёг в пост! – доложили ему.

– Черт знает что! Ну и дисциплина! Сафронов! Ко мне!

Фельдфебель Сафронов, пригибаясь, добежал до Ландсберга.

– Срочное донесение для полковника Тарасенко. – Карл передал Сафронову свернутый лист бумаги с донесением. – Одна нога здесь, другая там! На словах скажи, что, ежели дружина будет оставлять свои позиции сейчас, то попадет на открытое простреливаемое противником пространство и понесет большие потери! Темноты надо ждать! Темноты! Если уж отступать приказано!

Фельдфебель исчез. Вернувшись через полтора часа, он доставил неутешительные известия. Тарасенко подтвердил приказание генерала Ляпунова о немедленной передислокации дружины. Не дожидаясь темноты, а немедленной! Ландсбергу предписывалось остаться на Пиленгском перевале в составе арьергардного отряда капитана Борзенко, третьей роты Александровского резервного батальона и батареи подпоручика Кругликова. Неожиданной новостью было уведомление Тарасенко о том, что японцы якобы заняли подступы к Пиленгскому

перевалу. Как им удалось оказаться там столь быстро? Этого Ландсберг понять решительно не мог.

Однако приказ есть приказ. Делать нечего – его дружина начала отступление под огнем противника...

Японцы уже контролировали дорогу к перевалу – как назло, совсем недавно расширенную по приказу начальника местных войск. Конные разъезды шныряли по ней туда и сюда. Легкие пушки противника – тоже на конной тяге – буквально наступали на пятки отступающему арьергарду. Чтобы не потерять под шрапнелью всю дружину, Ландсберг распорядился сойти с насквозь простреливаемой дороги и двигаться вдоль нее по тайге.

Японцы наседали, орудийный огонь с кораблей и десантная артиллерия косили дружинников десятками. Плотный огонь вела и наступающая японская пехота.

С наступлением темноты японцы начали отставать. И около полуночи Ландсберг распорядился сделать привал и подсчитать потери.

Люди были мрачны и неприязненно поглядывали на своего начальника. От боевого настроения и состояния веселой злости, с которыми дружинники обороняли Жонкьерские высоты, не осталось и следа. Ландсберг их понимал: там, на заранее выбранной и защищенной позиции, людям было все понятно. Неожиданный приказ об оставлении позиций и отступлении под шквальным огнем был непонятен, никак не мотивирован, и имел вполне очевидные последствия. В гибели товарищей дружинники винили своего начальника: приказ-то отдал им он...

Сотники и взводные, подсчитав наличные силы, доложили: из двухсот двух штыков спичечного состава дружины в наличии осталось восемьдесят пять. Сотники не скрыли: потери исчисляются не только убитыми и ранеными. Около полутора десятка дружинников дезертировали, и это угнетало Ландсберга едва ли не больше всего. Если солдат бежит с поля боя и оставляет своих товарищей, значит что-то идет не так...

Едва успели развести в ложинах подальше от дороги костры, и кашевары поставили на огонь котлы, объявили тревогу: оставленные для наблюдения секреты донесли о приближении японской кавалерии. Скрепя сердце, Ландсберг приказал тушить костры и строиться в боевой порядок. В темноте дружинники откровенно зароптали:

- Господин начальник, мы целый день не жрали!
- Куды опять идтить-то, в темнотище?
- Притаиться нам тут надо – японец, авось, мимо пробежит...

Ландсберг откашлялся:

– Господа дружинники! На войне, если кто не слышал, приказы командира не обсуждаются! Я знаю, что люди с самого утра не ели, почти не отдыхали. И я, между прочим, все время был вместе с вами! Тоже куска во рту не держал, не спал. И не в пролетке ехал! Надо идти. Останемся – попадем в окружение. А там плен...

– А хучь и плен! – раздался сзади гнусавый голос. – В плену хоть и не сладко, так хучь пожрать дадут. Начальник, тоже мне! Какой ты нам командир, ежели статский? Каторжник, как и мы! Думаешь, никто не знает?

– Ага, начальству руку держал, вот и командывает, людёв мордует...

– Это кто там такой смелый? – не выдержал сотник Анучин. – А ну-ка, выдь, покажись, а я на тебя погляжу! Записался в дружину – служи! Командир приказывает – хоть и статский – исполняй!

– А пулю в спину не желаешь, сотник, со своим статским командиром получить?

Анучин рванулся на голос, однако Ландсберг его остановил.

– Отставить, сотник! – и добавил потише уже: – Все одно не найдешь, кто кричал!

Он снова возвысил голос:

– Господа дружинники! Я никого неволить не стану. Кто желает – может остаться и ждать японцев. Сдавайтесь в плен... Только вот я вам что скажу, господа... Видит бог, не хотел гово-

рять, а теперь скажу. И сотники подтвердят: не будет нам никакого плена! Командующий японским экспедиционным корпусом генерал Харагучи отказался считать дружинников на Сахалине комбатантами.

– Кем не считать?

– Комбатантами, господа! Говоря военным языком, комбатантом считается военнотрудовой, в отношении которого действуют международные нормы, обязанные для соблюдения воюющими сторонами. Военнопленных, к примеру, положено кормить, не принуждать к работе. А мы все для Харагучи – не солдаты, а бандиты с большой дороги. Раз мы создаем наступающим японцам помехи – значит, они могут безжалостно нас истреблять.

– Вот те на... В каторге начальство и надзиратели нас за людей не считали, и японцы туда же! Не врешь, начальник?

– Кто не верит – оставайтесь. Проверьте! – зло усмехнулся Ландсберг.

Ропот смолк. Люди молча построились и двинулись за сотниками вдоль дороги к селу Мало-Тымово. Ландсберг пропустил мимо себя устало бредущих людей, тронул коня. Впереди замаячила темная фигура отставшего.

– Господин начальник, дозволейте обратиться...

– Ты кто?

– Дружинник Курбатов, ваш-бродь. Так что раньше приказчиком у вас в магазине служил...

– Курбатов? Помню тебя, как же... Василий Митрофанович, если не ошибаюсь?

– Михайлович. Ну да бог с ним, с отчеством... Я вот предупредить вас хочу, ваш-бродь... Вы бы того... Побереглись бы!

– На войне всякий беречься должен, Курбатов, – усмехнулся Ландсберг. – На то она и война!

– Я не об том говорю, господин начальник! – Курбатов взялся за стремя коня Ландсберга, придвинулся поближе, приноравливая свой шаг к лошадиному. – Разговор слышал давеча нехороший. Лиц не разобрал, темнотища, конечно. Да и прекратили говорить, как меня заметили. А говорили о том, что хорошо бы, дескать, командира нашего статского вместе с сотниками повязать, да японцам и выдать. Тогда те, мол, и не тронут. Еще и награда может произойти от японского микадо.

– Награду хотят? Ну-ну, – усмехнулся Карл. – Спасибо, что предупредил, Курбатов.

– Оно, конечно, может и просто так люди болтали! А, может, и всурьез. Я вот и решил предупредить вас по старой памяти. Потому как, кроме добра, от вас ничего не видел...

– Спасибо, Курбатов! – снова поблагодарил Ландсберг. – Ты иди теперь, догоняй свой взвод. А то скажут, что с начальником шептался, косо глядеть станут. Как видишь, знакомство со мной – вещь непопулярная...

Брели до рассвета, пока оставленные дозорные не донесли, что японская кавалерия отстала. Японцы, пережидая ночь, разбили временный лагерь. А передовой дозор наткнулся на бивак арьергарда отступающего гарнизона.

Ландсберг дал долгожданную команду на привал.

Он натянул поводья, развернул коня и оглянулся на бредущих в мелколесье дружинников. Солнце еще не встало, однако тайга из угольно-черной стала серой и прозрачной. Карл мельком глянул на часы, покачал головой: рановато, но люди устали, озлоблены, измотаны неизвестностью. Спрятал часы в кармашек, негромко скомандовал:

– Сотников и взводных прошу ко мне!

Он перекинул правую ногу через луку седла, тяжело спрыгнул на землю, потопал затекшими ступнями, потянулся.

Дружинники, едва услышав про привал, так и посыпались на землю – кто где стоял. Одни сразу же растянулись на чахлой траве, другие принялись разматывать обмотки и с наслажде-

нием шевелить задеревеневшими пальцами ног. Кое-кто закурил, над биваком вперемешку с сизым табачным дымом поплыли обрывки обычных разговоров. Ординарец Есипов взял из рук командира поводья, отвел коня к осине, привязал и отправился искать отставшую единственную обозную телегу, где вместе со съестными припасами хранились остатки овса для лошадей.

Ландсберг, прислонясь к дереву и покусывая травинку, поджидал командиров сотен и взводных, с усталой горечью размышляя о том, что дисциплина в дружине после первых боев и слепого блуждания по тайге стала совсем ни к черту. Да и какие могут быть сотенные командиры, если от дружины осталась едва ли половина?

Сотники Анучин и Чертков, взводный Маринкин подошли одновременно – не отрапортовав, как положено, не подтянувшись и не приведя в порядок расхристанных после пешего перехода бушлатов. Ландсберг вздохнул, и в который уж раз усилием воли сдержал готовое сорваться резкое замечание.

– А где ваши взводные, господа? Почему не вижу Семенцова, Варламова, Кузнецова?

– Так что Кузнецов ногу повредил, в обозной телеге пребывает. Варламов, по моему приказанию, посты расставляет. А Семенцова не видали с ночи. Кто его знает, господин начальник! – вздохнул Чертков, переминаясь с ноги на ногу и с завистью поглядывая на пачку папирос в руке начальника дружины. – Вчерась вечером видел Семенцова, руку ён перебинтовывал. А с рассвета, как выступили сюды, не встречался. Может, отстал...

– Или вообще ушел! – со злостью сплюнул второй взводный, Анучин.

– Господа сотники и взводные! – Ландсберг пустил в голос металл, тяжело поглядел на стоящих перед ним дружинников. – Извольте привести в порядок свое обмундирование и отвечать как положено! Чертков, кругом марш! Немедленно найти Семенцова, живо! Если не его, так заместителя! Анучин, выставить караулы по периметру бивака, выслать пару дозорных по ходу движения, уточнить дислокацию арьергарда, за которым мы следуем. Еще пару разведчиков – назад, для наблюдения за противником. Третью пару на сопку.

– Слушаюсь, господин начальник! Тока, осмелюсь донести, моя сотня и так три последних дня в дозоре. Других бы поставить, чертковских.

– Анучин, я всё помню, и всё знаю. Но что поделаешь, если в двух полусотнях у Чертова людей почти не осталось? Конечно, дружину бы на переформирование отвести надо... Но куда? Где резервы брать? Приказов и распоряжений от его высокопревосходительства генерала Ляпунова второй день нет. А арьергардному отряду полковника Тарасенко, которому мы приданы, не до нас, сами знаете.

– Оно так, господин начальник, – вздохнул Анучин. – Так и чешет Тарасенко, не угонишься за ним! Нет, чтобы нас вперед пропустить, в прикрытие самому идти. Мы ж сутки, почитай, Жонкьерские высоты держали, а ён в резерве стоял, да пятки смазывал. Теперь чешет без оглядки!

– Анучин, разговорчики! Приказы начальства на войне не обсуждаются! Нам приказано прикрывать основные силы – мы выполняем.

– Ага, битый небитого прикрывает! – сплюнул Анучин. – Народ из дружины разбегается, не уследишь! Кто ночью, молчком, а кто прямо внаглую – я пошел, дескать! Спасибо, если ружье оставит... Вот и Семенцов, как мне мнится, ушел совсем.

– Ну что поделаешь, Анучин, – вздохнул и Ландсберг. – Как ты должен знать, приказом Наместника его Императорского величества на службу в сформированные в Квантунской и Приморской областях, а также на Сахалине в дружины записывались охотники. Дружина, стало быть, есть нерегулярное воинское соединение. И присягу люди не принимали... В армии, конечно, разговор был бы короткий: дезертир – расстрел! А у нас, видишь ли, понадеялись, что люди за свою землю драться без присяги будут...

– Да какая она наша земля, Сахалин ентот, господин начальник! – вполголоса, оглядываясь на дружинников, зачастил сотник. – По мне, так провались ён вовсе в преисподнюю, плакать не стану!

– Анучин, разговорчики! – снова прикрикнул Ландсберг. – Кашеварам своим лучше дай команду: накормить людей! Подсчитай пока число оставшихся у тебя в сотне штыков...

– Есть...

Вскоре подошел Чертков, подталкивая перед собой поселенца в крестьянской рубахе до колен.

– Вот, господин Ландсберг, едва сыскал заместителя Семенцова. Самого-то его с ночи, как я и докладывал, никто не видал, а заместитель – вот он!

– Кто таков? Где твое форменное обмундирование? – обрушился на заместителя взводного второй сотни Ландсберг. – Где бушлат, шаровары? Где ружье, черт побери? Как стоишь перед начальником дружины, оболтус?

Поселенец сделал вялую попытку застегнуть ворот рубахи, на Ландсберга глядел исподлобья.

– Дружинник Барышников, ваш-бродь. Назначен заместителем взводного второй полусотни... А насчет обмундировки и прочего, так штанов казенных мне и не выдавали отродясь, господин начальник! Бушлат я снял, в мешке таскаю, чтобы не порвать в тайге: сукно там доброе, ваш-бродь... А ружье у меня еще вчера «попятити», ваш-бродь! Распорядитесь, сделайте милость, чтоб новое выдали, ваш-бродь!

– Ты что несешь, Барышников?! Как это – ружье «попятити»? Укralи, что ли?

– Точно так, ваш-бродь! Укralи, должно! Тока к дереву прислонил, в кусты отлучился по неотложной нужде – а его и «попятити». Не углядел...

– Барышников, ты хоть понимаешь сам, что говоришь? Знаешь, что на войне солдату полагается за утерю боевого оружия? Трибунал!

– Так то солдату, ваш-бродь! – нахально улыбнулся Барышников. – Какой же я солдат, коли добровольно в дружину записался? Каторжный я, из команды исправляющихся. Посулили мне каждый год каторги за два месяца в дружине списывать – вот и пошел! Полгодика оттрубил в дружине вашей – три годка каторжных долой! А меня всего-то четыре и оставалось, ваш-бродь! Так как насчет новой берданки-то? Ежели я вместо Семенцова полусотней командываю – мне без ружья никак невозможно, ваш-бродь!

– Ладно, ступай пока, Барышников. Потом с тобой разберемся! – Ландсберг дождался, пока дружинник отойдет подальше и повернулся к сотнику.

– Чертков, этого полусотенного надо менять. Ты зачем вообще на эту должность каторжника поставил?

– А кого мне ставить-то было? – огрызнулся сотник. – Которые из поселенцев дружинники, али из крестьян – вовсе не командиры. Зашуганные, брюхатые все, как бабы на сносях. Из берданки палит – оба глаза закрывает, да еще креститься успевает... Этот Барышников хоть грамоту разумеет, счет знает...

– Замени, замени, Чертков! Ну сам подумай – какой пример нижним чинам, если взводный командир ружье теряет, а форменный бушлат в мешке для сохранности носит? Он не о противнике думает, не о дружинниках подначальных, а как бы побыстрее еще два месяца отбыть, да и тягу дать!

– Эх, господин начальник! А кто ж в дружине иначе-то думает? С японцем воевать – тут солдат нужен. Японец – враг сурьезный, эвон – весь пролив пароходами своими заставил! Силища! А мы против него – тьфу!

– Чертков, ты мне тут с пораженческими высказываниями до трибунала договоришься! Давай, корми людей, отдохнем малость – и дальше двинем!

– А куды двигать-то, господин начальник? Идем на Рыковское, и то неизвестно зачем. Может, там японец стоит большими силами?

– Иди, Чертков, людей оставшихся сочти, да покорми, пока от отряда Тарасенко известийждемся!

Появившийся ординарец навесил на морду лошади начальника торбу с овсом, расседлал ее, седло пристроил под дерево.

– Садитесь, ваш-бродь! Перекусить не желаете?

– Спасибо, Есипов, не хочу. Ступай, сам поешь, а я посижу пока...

Ландсберг уселся под огромную лиственницу на податливо скрипнувшее седло, снял фуражку и прислонил голову к шершавому стволу. Прикрыл тяжелые веки, привычно отрешаясь от действительности.

Однако долго расслаживаться не позволила с юности вбитая в голову привычка к воинской дисциплине. Да и спина от долгого сидения под деревом затекла, и Ландсберг решил размять ноги и заодно пройтись по биваку. Окликнул ординарца и вместе с ним зашагал, переступая через ноги сидящих и лежащих дружинников.

Это все-таки очень странная война, думал Ландсберг. В Туркестане и во время Турецкой кампании все было иначе. Здесь дружинники совершенно не обращали внимания на приближающего командира, пусть даже и статского – они продолжают заниматься своими делами. Многие, едва добравшись до привала, играли в карты – вещь для нижних чинов в любом армейском подразделении, по убеждению Ландсберга, совершенно недопустимая! Часовые дремали – кто стоя, прислонясь к стволам деревьев, а кто и вовсе сидя на пеньке. Этого Ландсберг стерпеть уже не мог, и таких часовых и дозорных строго отчитывал. Прекрасно при этом понимая, что «достучаться» до дружинников ему вряд ли удастся. И что игра возобновится, едва он отойдет подальше.

Собственно, что и как можно спросить с нижних чинов, ежели не только они, но и многие кадровые офицеры относились к этой войне с поразительным легкомыслием? Взять ту же подготовку земляных укреплений на побережье, которой сахалинцы занимались в общей сложности больше года.

Дружине Ландсберга была поручена подготовка окопов и ходов сообщения на Дуйском участке береговой обороны. Ну, а поскольку земляные работы – это основной саперный «хлеб», то и отнесся к этому поручению бывший офицер Саперного лейб-гвардии батальона со всей ответственностью.

Ландсберг произвел детальную съемку местности, составил и план, и привязку земляных укреплений к рельефу, нанес на бумагу каждый бугорок, каждую впадину. Самолично забил несколько сотен колышков, обозначая размер и глубину каждого окопа. Тем временем его дружинники заготавливали в тайге тонкомерные бревна и носили их к месту будущих укреплений.

Естественно, вся эта подготовительная работа отняла немало времени, и когда его дружинники приступили непосредственно к земляным работам, окопы у соседей были в основном уже отрыты. Отрыты – но какие! Любопытства ради Ландсберг прошелся по соседним участкам обороны, пришел в ужас и даже попытался по-хорошему указать малосведущим в саперном деле командирам на их грубые ошибки, предложил свою помощь в их исправлении. От него отмахивались как от назойливой мухи, а то и откровенно посмеивались над его усердием:

– Карл Христофорыч, окститесь! Помилуйте! Нешто вы не слыхали уверения его высокопревосходительства генерал-лейтенанта Ляпунова? Не будет войны на Сахалине! Это мы тут для порядка спины ломаем. На всякий случай, знаете ли – вдруг какая комиссия нагрянет, а у нас ничего не готово!

Поняв, что здесь ему «не достучаться», Ландсберг махнул рукой.

Его дружина еще заканчивала работы на своем участке, а комиссия из канцелярии военного губернатора острова под началом правителя канцелярии Марченко уже нагрянула.

Правитель инспектировал работы не вылезая из экипажа, благосклонно похвалил за усердие всех, кроме Ландсберга. Его не преминули публично «отчистить»:

– А вы, господин начальник дружины, что-то долго тут возюкаетесь! А еще бывший сапер, насколько я помню. Стыдно, милостивый государь – дружину-то мы вам специальную дали, первой саперной назвали. А вы отстае, Ландсберг! Какая же это первая, коли от всех отстала? Нехорошо-с... Придется доложить о вашем нерадении его высокопревосходительству...

Доложил ли Марченко его высокопревосходительству, или просто попугал, – Ландсберг так и не узнал. Зато судьба выстроенной «линии обороны» на западном побережье острова во всей своей очевидности предстала в день высадки на Сахалин японского десанта.

Глава третья

Цепкая память репортера

Вязкая рутина обыденности в ожидании супруга была прервана в утро появления Карла на дебаркадере Николаевского вокзала Северной столицы России. И с того самого момента жизнь и наполняющие ее события словно понеслись вскачь, обгоняя друг друга, путаясь, быстро меняясь.

...Ну кто мог ожидать, к примеру, что приезд Ландсберга в Санкт-Петербург вызовет в столице такой ажиотаж? Потом Дитятевой объяснили: мертвый сезон, сударыня! Всё дело именно в нем! В марте в столице не происходит ничего значительного, и газетчики хватаются за любую мало-мальскую новость, которая может заинтересовать читающую публику. Эта новость нещадно эксплуатируется газетами до тех пор, пока на горизонте не появляется новый персонаж для колонок светской хроники.

Ландсбергу в этом смысле не повезло. В день его прибытия репортеры столичных газет ожидали на Николаевском вокзале появления литерного состава с высоким железнодорожным чином, который пользовался служебным вагоном и казенным локомотивом в личных целях. И всю катал по вверенной его попечению железной дороге, чему были свидетели, веселых барышень из дома терпимости небезызвестной в Северной столице мадам Эммы.

Однако нынче сеанса общественного разоблачения не состоялось: любвеобильный железнодорожный чин, вовремя предупрежденный о поджидающих его репортерах, распорядился по возвращению на Николаевский вокзал загнать свой вагон в дальний тупик, и вместе с веселыми барышнями благополучно улизнул от газетчиков.

А репортеры, жалея о потерянном времени, решили дожидаться прибытия скорого поезда из Москвы. С этим поездом в Северную столицу обычно прибывал прицепной вагон из Владивостока. И была, таким образом, надежда на то, что в Санкт-Петербурге объявится хоть кто-то интересный. Ну хотя бы примадонна из провинциального театра какого-нибудь Тьму-Урюпинска, либо, на худой конец, пьяный золотопромышленник из Сибири с ручным медведем на поводке.

* * *

Николаевский вокзал в первые после постройки годы называли «пассажирским домом»: петербуржцы, собирающиеся выезжать в Москву, проводили здесь долгие часы в ожидании поезда. Первоначально на вокзале не было ни багажного отделения, ни даже буфета. Основная часть помещений была отведена «императорским апартаментам», а также жилым и служебным помещениям железнодорожного персонала. А билетная касса для обычных пассажиров и вовсе размещалась сначала на Троицком проспекте, а позже на Большой Конюшенной.

Железнодорожный проезд из Северной столицы до Москвы стоил весьма дорого. Даже в третьем классе за него надо было отдать семь рублей, а пассажиры-«первачи» вынуждены были выкладывать целых девятнадцать рубликов. Впрочем, в те времена даже высокопоставленные господа чиновники не гнушались поездок в... товарном вагоне, где билет до первопрестольной стоил всего три рубля. Летом же за эту «трешку» можно было с относительным комфортом доехать до Москвы на открытой платформе с установленными на ней бульварными скамейками. Правда, в конце такого путешествия одежда и лица пассажиров мало чем отличались от одежды и физиономий паровозных кочегаров – так зато дешево!

Короче говоря, Николаевский вокзал Северной столицы был для газетчиков неиссякаемой и плодоносной нивой. Здесь всегда можно было найти заезженную либо совсем све-

женькую тему для очередного номера газеты. Открытые же после серьезной десятилетней реконструкции на Николаевском круглосуточные буфеты с вполне божескими ценами на «смирновскую» и первым бесплатным бутербродом с килькой в качестве закуски и вовсе делали сей железнодорожный «родник» достаточно привлекательным для газетчиков местом.

* * *

Однако ни провинциальной примадонны, ни пьяных золотопромышленников с медведями в прибывшем по расписанию поезде из Москвы не оказалось. Ничем не порадовал приятелей-репортеров и главный поездной кондуктор, решительно не припоминавший среди прибывших пассажиров ни единой значительной персоны. Приунывшие газетчики совсем было решили завершить напрасное свое ожидание в станционном буфете, когда им на глаза попался солидный господин, спустившийся из прицепного вагона первого класса. Господина встречала симпатичная дама в шляпке под вуалью и юноша лет тринадцати – пятнадцати.

Набитый на знаменитостях взгляд репортеров зацепился за явно дорогой материал распахнутого пальто пассажира. Отмечен был, вместе с тем, провинциальной покроем одежды.

– А это кто, не знаете ли? – зевая, поинтересовался репортер помоложе.

Кондуктор, потерявший было надежду на бесплатное угощение, несколько воспрял духом:

– О-о, господа, а это весьма интересная и таинственная персона! Едет от самого Владивостока. То ли тайный ревизор по военному министерству, то ли некий авантюрист. Вагонные проводники заметили, что этот господин всё время поездки потратил на составление каких-то бумаг. Говорят, что исписал едва не полстопки бумаги! Ни с кем не знакомился, отвергал все предложения попутчиков расписать пулечку-другую. Писал и писал... Вот скажите, господа: станет обыкновенный пассажир тратить всё время поездки на бумагомарание? Ну, ваш брат-репортер с бумагой и карандашом – это понятно, хе-хе-хе! Но сей типус на газетчика никак не машет – ни по обличью, ни по трезвому поведению!

– Ну-у, ревизор инкогнито – это неинтересно! – капризно отмахнулся от кондуктора газетчик помоложе. – Во всяком случае, пока не выдаст того, что накопал!

– А еще проводник своими ушами слышал разговор двух путешественников относительно личности этого господина: один из них узнал в типусе богатея-коммерсанта с самого острова Сахалина! А на каторжном острове, господа, известно кто обитает!

– Ну-у, любезный, это вы того! Скажите еще, что беглого каторжника в Петербург привезли! – фыркнул репортер.

Второй газетчик, постарше, вдруг насторожился и проводил проходящего мимо солидного господина с семьей внимательным взглядом.

– А вот личность у этого вашего сахалинца что-то очень мне знакомая, – пробормотал он и повернулся к кондуктору. – Где-то я его видел... Фамилию пассажира не знаете?

– В списке пассажиров первого класса он значится как коммерсант Берг, путешествующий по своим надобностям, – отрапортовал главный кондуктор.

– Берг, Берг... Нет. Не помню таковского, – старый газетчик продолжал глядеть вслед пассажиру оценивающим взглядом, в то время как его товарищ продолжал тянуть товарища в буфет. – Хотя что-то этакое... Иду, иду я, Василий...

И только дойдя до дверей буфета-ресторана, старый репортер вдруг остановился и хлопнул себя по лбу:

– Господь всемогущий, Вася! Это же не Берг, а Ландсберг! Точно! Вспомнил! Я ж на процессе его был, отчет писал! То-то его личность мне знакомой показалась! Пошли-ка, догоним этого Берга, Вася! «Смирновская» от нас не убежит!

И, не отвечая на расспросы недоумевающего товарища, старый репортер рысцой побежал за уже спустившимся с дебаркадера на площадь пассажиром.

Догнавши пассажира, сопровождаемого двумя носильщиками, репортер сбавил ход, умерил дыхание, и, дождавшись, пока господин с семьей стал грузиться на извозчика, почтительно приподнял шляпу:

– Господин Ландсберг, ежели не ошибаюсь? С возвращением в Северную столицу вас...

Ландсберг коротко глянул через плечо, нахмурился и бросил:

– Вы что-то путаете, любезнейший. Я с вами – не имею чести быть знакомым. Простите...

– Ну-у, откуда вам нашего брата знать-то, господин Ландсберг! Мы люди маленькие, по зернышку клюем, как говорится...

– Я не Ландсберг! Что вам сударь, собственно, угодно?

– Несколько слов для читателей газеты «Голос», господин Ландсберг! Газета солидная, с большим числом подписчиков, верьте слову! – заторопился газетчик. – Ежели изволите помнить, лет этак... м-м, позвольте, сколько же лет прошло-то? Тридцать лет, господин барон, тридцать...

– Какие тридцать лет? Повторяю: вы ошибаетесь, сударь! – Ландсберг начал оглядываться в поисках станционного жандарма.

– Так вот, наш «Голос» в ту пору публиковал судебные очерки с вашего процесса – меня вы, конечно не помните? Ну, разумеется, нет! Да и газетчиков на том процессе была уйма. Ну, это все пустое – наших читателей, безусловно, заинтересует ваше настоящее бытие, так сказать. Счастливое возвращение в столицу! Всего несколько слов, сударь!

Как назло, никаких жандармов в поле зрения Карла не было. И он снова и снова сердито стал объяснять настырному репортеру его ошибку:

– Я действительно нынче приехал из Владивостока, любезный! Но не с Сахалина! Я коммерсант, служу в торговом доме «Кунст и Албертс». И зовут меня просто Берг! Позвольте пройти, сударь – или я вынужден буду кликнуть полицейского!

Убедительность Карла произвела на репортера впечатление, и он с разочарованным видом уступил Ландсбергу дорогу. В этот момент Ольга Владимировна Дитятева, не услышав притязаний газетчика, по-немецки окликнула супруга:

– Karl, was ist los? Georgy hatte es so eilig, seinen Vater aus Sakchalin zu treffen, dass er seinen Schal vergaß und sehr fror! Wir müssen schneller zum Hotel zurück³

Репортер не был силен в немецком языке, однако слово «Сахалин» и имя «Карл» успел уловить. Он снова заступил Ландсбергу дорогу и саркастически воскликнул:

– Ага! Все-таки Карл! С Сахалина! Что же вы так легко отказываетесь от своего имени, барон? Ежели не ошибаюсь – Карл Христофоров? Ну конечно! Еще раз добро пожаловать в столицу! Надеюсь, вы не сбежали с каторги, господин Ландсберг?

Тот сердито покосился на супругу и обратился к ней:

– Олюшка, ты поезжай вперед с Георгием, а я следом за вами! – Ландсберг заметил, что жена и сын начали настороженно прислушиваться к трескотне репортера и не хотел, чтобы они стали свидетелями возможного скандала.

Отправив семью, Ландсберг махнул зонтом другому извозчику и повернулся к репортеру:

– Послушайте-ка меня, любезный! Вы, видимо, умный человек, и должны понимать, что для человека моего положения ваша назойливость лишена всякой приятности. И для меня, и для семьи. Отдаю должное вашей памяти, сударь – вы не обознались, и отрицать что-либо глупо. Иначе вы ведь будете копать и нюхать, пока не выкопаете и не вынюхаете всё, верно?

³ Карл, что случилось? Георгий так спешил на встречу с отцом с Сахалина, что забыл шарф и очень замерз! Нам нужно быстрее вернуться в отель (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.